

ФИЛОДЕМ

ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дионисий Старший пожалел о том, что не поверил Платону. По крайней мере так пишет Аристоксен, которому в молодости довелось встретиться с престарелым бывшим сиракузским тираном в Коринфе и спросить его «почему он разозлился на Платона и какова была тому причина». На это Дионисий, как передает Плутарх (*Тимолеонт* 15), ответил, что «из многих зол, связанных с тиранической властью, хуже нет, когда никто из воображаемых друзей не говорит с тираном откровенно», так как «именно эти друзья и лишили его расположения Платона». О неудачных поездках Платона на Сицилию, со ссылкой на Аристоксена, пишет и сатирик Лукиан (*Парасит* 34; Гараджа 2019, 205–206). Эти истории, конечно же, отражают детальное повествование о сицилийских контактах Платона, рассказанное автором *Седьмого письма*.

Злоключения философа при дворе иноземного властителя – это вечная история. Исключением выглядит лишь дружба между учениками Платона и Гермием (col. V^a и *Шестое письмо* Платона). Как правило же мораль и политика несовместимы, и как предок Платона Солон по преданию не угодил лидийцу Крезу, так и далекий интеллектуальный наследник Платона Дамаский не пришелся ко двору персидскому правителю Хосрову. Именно в таком обобщенном ключе Филодем передает причину разногласий между Платоном и Дионисием (col. X). Напротив, если не считать сатирической ремарки Лукиана (наверное, чрезмерной даже для Аристоксена), будто Платон при дворе Дионисиев, сначала Старшего, а затем Младшего, проявил «неспособность» и «невежество» (*Парасит* 34), то большинство биографов так или иначе связывают этот конфликт с открытым неприятием философом тиранической власти (Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 3.18).

В результате – «Эгинское пленение», которое чуть не стоило философу свободы, а может и жизни. Хронологически первый источник, который рассказывает об этом, – Филодем. Его версия истории крайне лаконична. Сообщается, что Платон впервые прибыл на Сицилию в возрасте 21 года, что противоречит словам Диогена (о чем подробнее см. примечание к col. X). Там он некоторое время общался с пифагорейцами, а затем при неизвестных обстоятельствах прибыл ко двору Дионисия Старшего, недовольство тирана вызвал тем, что не счел его счастливейшим из людей и был «передан» неким спартанским морякам (или торговцу), отплывающим в Афины. Дальнейший фрагментированный отрывок показывает, что на Эгине он попал в рабство как афинский гражданин, оказавшийся на территории враждебного полиса, был освобожден, затем, спустя время, еще дважды посещал Сицилию, в целом, «спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что Дионисий не посмел нечестиво ...» расправиться с ним. Это сообщение содержит разные несуразности. Например, почему спартанский моряк (или купец) направлялся в Афины, если дело было во время Коринфской войны 395–387 гг., в которой Спарта воевала против Афин? Однако ситуация становится яснее, если это был не торговец или моряк, а спартанский посол

---

¹ Здесь и далее колонки «Истории академических философов» Филодема указаны по изданию: Kalligas, Tsouna 2020.

Полиад, как сообщает Диоген Лаэртий (3.19), возможно, базируясь на сочинении Фаворина. Ведь посол мог иметь дела и с враждебным государством, а нейтральной территорией могла стать Эгина. Хотя история со временем, как это обычно бывает, могла обрести неправдоподобными деталями, разумно предположить, что на Эгине Платон оказался не случайно, так как, по сообщению того же Фаворина (Диоген Лаэртий 3.3), он там родился, потому что именно на Эгине жил его отец до того, как (в качестве афинянина) быть изгнанным оттуда спартанцами. Не может ли это означать, что, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, Платон и его семья могли иметь какие-то постоянные интересы на Эгине? В связи с тем же Полиадом другой отголосок истории также мог получить дальнейшее развитие в ранней биографической традиции, связанной с Академией. Тот же Фаворин (Диоген Лаэртий 3.20) пишет, что божество наказало Полиада, погубив его при Гелике, и это катастрофическое событие вызывало большой интерес у ближайшего ученика Платона Гераклида Понтийского, который временно возглавлял Академию в течение его третьей поездки на Сицилию в 360/361 г.²

Если попытаться отвлечься от малоправдоподобных деталей, которыми эта история могла обрести впоследствии, то можно, вместе с Джоном Диллоном (Dillon 2012, 287), предположить, что в действительности Дионисий поручил спартанскому послу сопроводить Платона из Сиракуз в Афины, и их путь по морю пролегал через Саронический залив, однако они по какой-то причине не учли того обстоятельства, что афинянину на Эгине в это время находится было не безопасно. О частностях, касающихся сообщения Филодема о сицилийских поездках Платона, мы скажем в примечаниях к колонкам X и II–III, ниже. Сейчас нам важны последующие события, с ними неразрывно связанные.

Прежде всего, с выкупом Платона из плена связывается история о последующем приобретении им небольшого имения на территории Академии. Средства (двадцать или тридцать мин) Платон получил либо от своего сицилийского друга Диона, либо от своего спасителя Анникерида Керенского (Диоген Лаэртий 3.20). Важно другое – приобретение места для будущей школы носило своего рода публичный характер. Оно изначально предназначалось

---

² «Гелику затопило за два года до сражения при Левктрах <...> Гераклид Понтийский пишет, что это несчастье произошло в его время и случилось оно ночью, причем, хотя город находился в двенадцати стадиях от моря, все эта область, включая и сам город, была покрыта [водой]; две тысячи людей, посланные ахейцами, не в силах были отыскать все тела; землю же разделили между жителями пограничных областей. Несчастье связывают с гневом Посейдона. Когда ионийцы были изгнаны из Гелики, их послы очень упрашивали геликийцев отдать им деревянную статую Посейдона, а если нет, то хотя бы позволить основать у себя подобное святилище. Когда же те отказали, они послали представителей в общий совет ахейцев, и хотя последние проголосовали [«за»], геликийцы все равно не подчинились. А следующей зимой случилось несчастье, и ахейцы позже позволили ионийцам основать святилище» (Страбон, *География* 8.7.2). Гелика – город в Ахее на севере Пелопоннеса, на берегу реки Селинус (Селинунт). Здесь находился один из важнейших религиозных центров Греции, посвященный Посейдону. Кроме Страбона и Диодора (ниже), о гибели Гелики упоминает Павсаний (*Описание Эллады* 7.24), посетивший это место в 174 г. С 2001 г. на месте древней Гелики ведутся раскопки. Катастрофическое землетрясение в районе Коринфа, уничтожившее Гелику, по масштабам сопоставляется с извержением вулкана на Санторини: ведь эта область находится на активной вулканической дуге, простирающейся от Коринфии, через Порос и Метану (на Пелопоннесе), острова Мелос и Санторини (в Эгейском море) и до острова Кос в Малой Азии (Bintliff 2012, 14 и plate 1.1). Как и древнюю катастрофу на Санторине, затопление Гелики считают прообразом Платоновой истории об Атлантиде. При Левктрах в Беотии, южнее Фив, спартанцы в 371 г. до н. э. были разбиты фиванцами. Отсюда следует, что землетрясение случилось в 373 г. до н. э. Несколько иначе эту историю рассказывает и Диодор Сицилийский (*Историческая библиотека* 15.48.4–49.6), также со ссылкой на Гераклида (см. Афонасин 2020, 41–42).

не лично Платону, но всему кругу его друзей и учеников, что отчетливо отражается и в последующей истории этой школы. Традиционной датой основания Академии считается 387 г., однако, если, вместе с Деброй Нэйлз (Nails 2002, 248) за опорное событие принять сообщение автора *Седьмого Письма* (324a) о том, что Платон впервые посетил Сицилию в возрасте сорока лет, то эта дата может сдвинуться лет на пять ранее. Мы еще вернемся к истории основания Академии.

В целом, для большинства знатных афинских граждан было открыто два пути к славе. Можно было отличиться на воинской службе, как, например, это удалось сделать в битве при Мегаре (409 г.) двум старшим братьям Платона, Аденанту и Главкону (*Государство* 368a). Очевидно, Платон в это время был еще слишком юн (ок. 19, согласно Nails 2002, 246). Однако Аристоксен, непостижимым образом, приписывает ему участие и в битве при Танагре, и в двух других – «в походах на Коринф и Делию», причем, в последней ему, по словам биографа, удалось отличиться (Диоген Лаэртий 3.8). При Танагре в 426 г. во время Пелопонесской войны Платон оказаться не мог, но, возможно, Аристоксен имел в виду сражение 377 г. во время Беотийской войны, или какое-нибудь иное, неизвестное нам сражение. Под Коринфом Платон мог оказаться в 394 г. Именно тогда погиб юный Теэтет (*Теэтет* 142a), а самому Платону исполнилось 33 года. Известная нам Делия 424 г. хронологически невозможна, однако, как предполагает Диллон (Dillon 2012, 284–285), Аристоксен мог иметь в виду какую-то другую военную кампанию в Аттике. Как бы там ни было, в его беспокойное время Платону не только довелось побывать на войне, но и как-то проявить себя.

Другой путь к славе – политика, как внутренняя, так и внешняя. О «провале» его внешнеполитической карьеры, сродни сицилийской катастрофе Никия, как злобно отмечает Лукиан (*Парасит* 34), мы уже говорили, в Афинах же политическая карьера Платона также не сложилась. Основная причина тому – семейные связи, и основной наш источник – *Седьмое письмо*, несомненно, написанное кем-то из ближайшего окружения Платона.

Каждый молодой человек, как говорится в *Письме* (324b сл.), жаждет как можно быстрее повзрослеть и принять участие в публичных делах, и молодой Платон также к этому стремился, тем более что с некоторыми из пришедших в описываемое время к власти «тридцатью» его связывали родственные и дружественные связи. К тому же, в начале ему показалось, что новое правительство поможет Афинам преодолеть кризис, вызванный катастрофическим поражением в войне. Однако, как пишет далее автор письма, пришедшая к власти хунта тут же показала свое истинное лицо, принесла много бедствий честным гражданам и в скором времени была свергнута.

Одной из ключевых фигур этой так называемой Тирании Тридцати 404/3 г. был родственник Платона политический деятель и писатель Критий (*Cambridge Ancient History* 6, 32–40). Вероятно, именно он имеется в виду в письме. Критий был знаком с Сократом, даже, как сообщается, спас его от гибели во время тирании, однако их отношения, если верить Ксенофону, не были дружественными (*Воспоминания о Сократе* 1.2.12, 1.2.37, 1.2.29–30). Подобно софистам Антифону и Фрасимаху, в сфере права и морали Критий был позитивистом, полагая, что право (как божественное, так и гражданское) – это человеческое творение, поэтому «благородный нрав» превышает любого закона, тогда как «справедливость сама может оказаться тираном» (фр. 25 DK, из сатировой драмы *Сизиф*). Конечно, из письма следует, что Платон достаточно быстро понял несправедливый характер этого правления и, по молодости лет, не мог принимать в этих событиях сколь-либо активного участия. Тем не менее, сочувствие или даже причастность к про-спартанской олигархии – худшая рекомендация для будущего политика в послевоенных Афинах. И все же, как пишет далее автор письма (325b), после свержения тирании желание принять участие в политической жизни у Платона возникло вновь. Но вскоре, «по какому-то злому року»

в 399 г. последовал суд над Сократом, в глазах афинского жителя, безусловно, связанный с тем, что именно он «учил Крития... свергнувшего демократию» (Эсхин, *Против Тимарха* 173). Сразу же после казни его учителя Платон надолго покинул Афины и более не возвращался к активной политике, зато именно эти события, по словам автора письма, стали началом его подлинного обращения к философии. Что же касается государственных дел, то, по мере взросления, философ начал все лучше осознавать, насколько трудным делом может оказаться политика (325d). Именно эти размышления, но также и желание радикальных политических изменений, и привели его, как мы знаем, ко двору Дионисия Старшего.

Итак, Платон избрал третий путь, пролегающий в стороне от войны и политики, и возвратившись из сицилийской поездки, в качестве места встречи со своими единомышленниками выбрал Академию – публичный парк, расположенный в северо-западном пригороде Афин и так названный в честь мифического героя Гекадема, который помог братьям Диоскурам вернуть свою сестру Елену, украденную Тезеем. Это было очевидное решение: все философы так или иначе выбирали для своих занятий загородные парки и гимназии, популярные места отдыха мужского населения города: Сократ нередко вел свои беседы в Ликее, а Антисфен еще в 400 гг. учил в Киносарге. Важнее другое: в какой-то момент он решил публиковать свои «сократические речи (*sōkratikoí logoi*)». Этот радикальный шаг, согласно аристотелику Дикеарху (Col. I, ниже), имел ключевое значение для всего последующего развития его школы, так как письменное слово позволило не только отточить изначально изустный «сократический метод», но и положить начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой. Правда, отмечает перипатетик, сократические диалоги нередко сводились к поверхностным риторическим и «эротическим» упражнениям (поэтому он критикует Платонов *Федр*, см. фр. 48 Mirhady), а изучение математики не вышло за пределы ее «оснований», и прикладные науки, вроде оптики или механики, не получили в стенах Академии сколь-либо значимого развития.

Еще большее значение имела институализация школы (подробнее см. Naake 2020, 72 sq.). Именно это, в конечном итоге, позволило ей сохраниться и успешно развиваться и после смерти ее основателя в 348/7 г. Мы не знаем точно, какой правовой статус имела эта школа, но она точно не была религиозным союзом, как это считалось ранее. Скорее всего, это было частное объединение (*koinonía*), возглавляемое схолархом, который и распоряжался имуществом школы – небольшим садом (*κηπίδιον* ... τὸ ἐν Ἀκαδημίᾳ, Диоген Лаэртский 3.7), расположенным там строением и, скорее всего, библиотекой. Кроме того, характерной чертой повседневной жизни школы стали совместные трапезы и жертвоприношения музам и Аполлону. К сакральным объектам должно быть относились статуя Сократа, установленная в саду, и затем могила самого основателя школы.

Была ли школа Платона политическим союзом (*hetaireia*), своего рода клубом заговорщиков, стремящегося, на благо общества, установить олигархическое правление философов? В конечном итоге, именно так могут быть поняты слова автора *Седьмого письма* (325d–326b), что для того, чтобы исправить человеческие нравы «правильно мыслящими» философами, нужно, прежде всего, найти «друзей». И действительно, хотя сам Платон и целый ряд его последователей были вовлечены в политику и время от времени стремились реализовать платонический общественный идеал, мы не располагаем историческими данными, которые бы указывали на то, что такова была политическая задача платоников. Как и в области математических наук, за теорией вовсе не обязательно следовала практика, но афинский *dēmos* в это не очень верил, регулярно выдвигая обвинения в нечестии (*asebeia*) как против отдельных философов, так и против всех их в совокупности, по крайней мере единожды приняв закон о запрете функционирования философских школ, кроме как по решению городского совета и

собрания, так называемый «закон Софокла» 306 г. (Диоген Лаэртский 5.38, Поллукс, *Ономастикон* 9.42 и др.). Народ, вместе с комедиографом Алексидом, радовался: «Это Академия? Проваливай прочь из Аттики!» (τοῦτ' ἔστιν Ἀχαδῆμεια; ... ἐς κόρακας... ἐκ τῆς Ἀττικῆς», фр. 99, Афиней, *Пир мудрецов* 13.610е).

Прежде чем перейти к тексту Филодема, сделаю несколько замечаний о том месте, где после 387 г. располагалась школа Платона.³ Сюда вела дорога, должно быть именуемая Дромос, которая выходила из города через Керамик и Дипилонские ворота. В классический период она была очень широкой, ок. 40 м и играла важную роль в формировании Афинской гражданской идеологии (Marchiandi 2020, 12). Как сообщают античные путешественники и подтверждают современные раскопки, по обе стороны дороги располагался ряд стел, призванных увековечить память павших афинских воинов, так называемые *Dēmosion Sēma*. Вероятно, эта практика получила распространение вскоре после Персидских войн. Именно здесь, раз в году (в четвертый месяц аттического года, пианепсион, соответствующий нашим октябрю–ноябрю) совершалась важная публичная церемония захоронения праха павших воинов и произносилась торжественная надгробная речь (epitaphios logos), вроде той, которую, согласно Фукидиду (*История* 2.34) в 431 г. произнес Перикл. Эти стелы подробно описывал во втором веке н. э. Павсаний (1.29.2–15), а в 1979 и 1997 гг. было сделано два археологических открытия, которые позволили уточнить топографию места. Именно, была открыта могила Ликурга и обнаружены пять коллективных захоронений (polyandreia), датируемых пятым веком до н. э. По этой дороге афинские граждане шли в Академию, которая была местом отдыха и спортивных занятий, и имена павших героев должны были напоминать им об их гражданском долге.

Миновав это воплощение афинской имперской идеологии, гражданин попадал в сад Академии, где его встречал знаменитый жертвенник Эрота, точная локализация которого, как и, собственно, входа в Академию, к сожалению, не известна. Афиней (*Пир мудрецов* 13.609с) сохранил эпиграмму, из которой следует, что жертвенник был заложен Хармом, любовником Писистрата (Павсаний, *Описание Эллады* 1.30.1). Как сообщается, Гиппарх, сын Писистрата начал строительство длинной и дорогой стены вокруг Академии, которая так никогда и не была закончена, а также соорудил ряд других монументов. В 1966 г. был обнаружен пограничный столб, обозначающий границы Академии, подобный тому, что был найден на афинской Агоре, датируемый, по всей видимости, концом шестого века, как и различные фрагменты древнейших построек на территории Академии, такие как вторично использованные блоки, антификсы и герма (Marchiandi 2020, 19, Panayiotopoulos, Chatziefthiminou 2020, 35). Очевидно, постройки и, особенно, культовые сооружения Академии, такие как жертвенник Прометею, музам, Гермесу, Гераклу (Павсаний 1.30.2–4), а также священные оливы Афины, масло которых давали в качестве награды победителям в Панафинеях (Софокл, *Эдип в Колоне* 694, Аристотель, *Афинская политика* 60), могут восходить к архаическому периоду и все так или иначе связаны с гомоэротическим идеалом пайдеи, который затем получит классическое развитие в диалогах Платона. Одним из популярных состязаний в Академии была описываемая Павсанием *lampadēdromia* – бег с зажженными факелами от Академии до города. Павсаний связывает его с жертвенником Прометею, однако Плутарх (*Солон* 1.7) и Гермий (Комментарий к *Федру* Платона, 231е) эксплицитно связывают бег с культом Эрота, что, как полагают некоторые исследователи (Marchiandi 2020, 25, esp. n. 93), может отражать более древнюю традицию, ведь не случайно на таком большом количестве как греческих, так и римских ламп изображен Эрот, нередко сам изображаемый как участник *lampadēdromia*.

---

³ Из недавних работ о физическом устройстве Академии см. прежде всего Caruso 2013, Panayiotopoulos, Chatziefthiminou 2020, Lygori, Tolia 2020 и Афонасина 2019.

Обнаруженные в результате археологических раскопок здания гимназия и так называемого квадратного перистилия идентифицируются исследователями как здания, непосредственно связанные со школой Платона (Lygori, Tolia 2020, 56 sq.). В частности, отмечается, что раскопанный план «гимназия» в Академии обладает чертами, отличающими его от других зданий такого типа, так как в нем нет раздевалок и бань (которые, впрочем, находятся по соседству), а центральная часть, которая обычно предназначалась для физических упражнений, в этом здании была изготовлена из гидроизолирующего материала, что предполагает наличие в центре бассейна или колодца.

Расположенное примерно 250 м северо-восточнее гимназия квадратное здание 40 x 40 м, называемое квадратным перистилем (см. рис. 1), представляло собой открытую площадку с колоннадой. Возможно, именно она была тем «перипатом», о котором пишут наши источники, в том числе Филодем. Важно то, что эти здания, для сооружения которых вторично использовались блоки более ранних строений, были, по-видимому, построены одновременно, и на основании материала, типа строения и обнаруженных там стел датируются началом четвертого века. Отсюда следует, что, если они и не были построены специально для школы Платона, то были приспособлены для ее нужд почти сразу после возведения.

Хочется думать, что именно это здание изображено на знаменитой фреске «Академия Платона» из виллы Т. Симмия Стефана в Помпеях (Национальный музей Неаполя, № 124545), ведь группа философов со свитками здесь сидит в некоей экседре (Афонасина 2019, 32–34), у их ног находится сундук, полный рукописей, слева просматривается открытый перистиль, солнечные часы и пейзаж с оливковыми деревьями, а справа видны Афины с Акрополем и Парфеноном, что визуально примерно соответствует действительному расстоянию от Академии до города (см. рис. 2).

Рис. 1. Квадратный перистиль. Платоновская Академия. Афины (фото авторов).

Рис. 2. «Академия Платона». Мозаика из виллы Т. Симмия Стефана, Помпеи. Национальный музей Неаполя.

ФИЛОДЕМ. ИСТОРИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

Эта чудом дошедшая до наших дней история Академии представляет собой, как теперь считается, часть более пространного собрания историй Филодема о философях под названием $\Sigma\upsilon\nu\tau\alpha\chi\iota\varsigma\ \tau\omega\nu\ \phi\iota\lambda\omicron\sigma\omicron\phi\omega\nu$ (так его называет Диоген Лаэртий, *Жизни философов* 10.3). Ранние издатели эту часть общего собрания называли Academicorum Index. Содержащие данный текст папирусы P^{Herc} 1021 и P^{Herc} 164, обнаруженные при раскопках в погибшем в результате извержения Везувия городе Геркулануме, сохранились фрагментарно. Точнее, от последнего сохранилось всего несколько обрывков, тогда как первый представляет собой сильно пострадавший, но все же читаемый

свиток. Кроме самого папируса существует также Оксфордский список, который был изготовлен вручную незадолго после первого прочтения папируса. Папирус исписан с двух сторон, поэтому колонки на лицевой стороне обозначаются издателями римскими цифрами, а несколько восстанавливаемых колонок на оборотной стороне – буквами от Z до M. Имеется несколько реконструкций этого текста, из которых самым точным и удачным считается издание Тициано Доранди (Dorandi 1991). Новейшее комментированное издание и перевод Пола Каллигаса и Вулы Цуны (Kalligas, Tsouna 2020) основаны на нем, с учетом более ранних работ Гайзера (Gaiser 1988) и др. авторов. В ряде случаев текст восстанавливается очень приблизительно.⁴ Перевод сопровождается комментариями, которые помещаются сразу после каждого фрагмента. Ряд общих сюжетов вынесен в вступительную статью.

Е. В. Афонасин

ПЛАТОН (РОД. 429/27 – УМ. 348/7 ГГ. ДО Н. Э.)

Col. I*. 27 и I. 1–41

Приняв [философию], [Платон] полностью обновил ее, добавив к тому же ... прекрасную соразмерность в речах. Однако многое он привнес и от себя, благодаря чему – ведь я должен открыто рассказать обо всем произошедшем – ... более других людей развил (εὗξησεν) философию, но и ослабил (κατέλυσεν) ее. Ведь он обратил к философии неопытных людей благодаря записи своих сочинений, способствуя в то же время тому, что некоторые занялись философией поверхностно (ἐπιπολαίως), ступив на проторенный путь ... Кроме того, он' говорит, что ... он предоставил им повод для того, чтобы начать заниматься философией, так что не научившиеся ... ничему ... знать [не] только о себе как причисленных к [философам], но и ... быть убежденными, так что некоторые люди полагали, что сам факт их близости к нему является достаточным оправданием их собственного невежества, более того ... что лишь они одни, понимая [философию] своего [благородного] и наимудрейшего [наставника] ...²

1. В начале второй колонки (ниже) Филодем эксплицитно указывает свой источник – ученика Аристотеля перипатетика Дикеарха, который, как известно из других свидетельств, одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям. Подробнее см. Mirhady 2001, Афонасин 2017.

2. В данном отрывке Дикеарх (фр. 46A Mirhady), по-видимому, рассуждает следующим образом. Опубликовав свои философские сочинения, Платон запустил процесс, который привел к важным и необратимым последствиям, как благоприятным, так и не очень. Последние прежде всего связаны с поверхностными риторическими упражнениями платоников, тогда как первые положили начало серьезным занятиям философией и наукой, в особенности математикой.

Нижняя часть колонки (особенно, строки 18–33) содержат несколько лакун и восстанавливаются приблизительно. Смысл высказывания понятен. Выросшая популярность философии, по мнению Дикеарха, привела к тому, что многие ученики, еще не освоив ничего стоящего, начали щеголять своей приверженностью к школе, к тому же сумев убедить других

---

⁴ Фотографии папируса доступны в составе Oxford drawings of the papyri. Транскрипция Г. Кавалло на основе ряда изданий доступна в базе данных: The Thesaurus Herculanensium Voluminum Project: <http://papyri.info/dclp/62441>.

людей в том, что они лучше всех понимают философию своего учителя. В целом, школьный патриотизм был характерен для всех античных философских направлений, но, возможно, в данном случае перипатетику показалось, что члены Академии, на пифагорейский манер, слишком подчеркивали свою исключительность.

В свое время Гайзер предпринял попытку восстановить текст особенно испорченных строк 18–43 (в некоторых строках – на основе пары сохранившихся букв!), что привело к следующим результатам: «...Ясно, что людей было легко направить по этому проторенному пути, так как он написал весьма мудрено: “Людям надлежит почитать Эрота, [и различать то, что относится к Эроту, и всем] во всем покориться Эроту” (ср. *Пир* 212b), так что все, “привлеченные Эротом”, вполне в силах оправдать этим недостаток своего образования, более того, претендовать на обладание хранилищем (κτῆσιν) добродетели, при помощи которого лишь они одни в силах постичь учение своего благородного и наимудрейшего наставника».

Должно быть, Гайзера на эту реконструкцию натолкнуло то обстоятельство, что Дикеарх специально критиковал эротические темы в диалогах Платона и считал, что диалог *Федр* он написал самым первым (Цицерон, *Тускуланские беседы* 4.71 и Диоген Лаэций 3.38; Дикеарх, фр. 49 и 50 Mirhady, соответственно; Петрова 2017, 144). Учитывая роль святилища Эрота в Академии (о чем подробнее см. предисловие), эта реконструкция выглядит привлекательной, хотя и следует понимать, что, в целом, она и ей подобные являются скорее филологическим упражнением, нежели историческим свидетельством.

Col. Y.1–39

... собрав все вместе, я это записал. «Признано, – как он¹ говорит, – что существенное продвижение было достигнуто в математике того времени, ведь, осуществляя руководство (ἀρχιτεκτονοῦντο[ς]), Платон ставил задачи (προβλήματ[α] διδόντος), которые математики затем основательно исследовали. Первыми высшей точки достигли теория измерения ([τὰ] περὶ μέτρολογίαν) и проблемы, связанные с определением (τὰ περὶ τοὺς ὀρίσμοὺς προβλήματα), когда Евдокс² и его последователи пересмотрели устаревший метод [Гиппократата].³ Затем существенных успехов добились в геометрии, ведь появился и метод анализа, и лемма, касающаяся определения (τὸ περὶ διόρισμοὺς λήμμα) и, в целом, много чего было разработано в области геометрии.⁴ Не оставили они без внимания также [оптику] и механику. Они составили для собственного употребления целое собрание таких [проблем], которое оказалось полезным многочисленным пустословам [σπερμολόγῳ]. Но был и другой род учеников, которые пожинали собственную жатву. ...ему ... публичных ... занятия ... Даков и [Гетов]... ведь и ... стремясь ... необходимое (для выживания? для образования?) ... лишь о полезном ... ничем не отличаются от домашних слуг ... Платон ... на расстоянии (отсутствующих?) ... человека (мужчины?) ...⁵

1. Этот текст в достаточно произвольной реконструкции Гайзера Мирхади печатает как фр. 46В Дикеарха. Ученик Аристотеля, сам занимающийся географией (фр. 118–123 Mirhady), отмечает здесь недостаточную разработанность оптики и механики, то есть практических приложений теоретического знания. По крайней мере, он не упоминает ни об одном новом результате в этой области. Как мы знаем, прежде всего Дикеарха интересует эволюция образа жизни философа от одиноких размышлений «мудрецов», через социальный морализм Пифагора и Сократа до «академической» жизни ученого (подробнее см. Афонасин 2017). Последующие фрагменты показывают, что, как и ранее, на этом пути Дикеарх одним из первых в античной историографии проявляет особое внимание к биографическим деталям.

2. Обсуждая развитие теории о «регулярных и упорядоченных» планетарных движениях в Академии, Евдем (фр. 148 Wehrli; Симпликий, Комментарий к *О небе* Аристотеля 488.12 сл.) замечает,

что Евдокс «дошел до этих гипотез... после того, как Платон поставил такую задачу знатокам в данной области» (ἄψασθαι... τῶν τοιούτων ὑποθέσεων Πλάτωνος... πρόβλημα τοῦτο ποιησαμένου τοῖς περὶ ταῦτα ἐσπουδαχόσι). Фрагменты Евдокса: Lasserre 1966.

3. С именем Гиппократы Хиосского, жившего поколением раньше Платона, связывают задачи по удвоению куба и квадратуре круга (Симпликий, Комментарий к *Физике* Аристотеля 60.22–68.32; 488.12 сл.; Прокл, *Комментарий к первой книге Начал Евклида* 66.4–6, 213.3–11).

4. Прокл (*Комментарий к первой книге Начал Евклида* 66.4–68.4, 211.18–23) также отмечал, что Платон поощрял занятия математикой. Ср. Диоген Лаэртий 3.24.

5. Строки 24–30 колонки почти не читаются, строки 30–36 содержат лишь несколько читаемых частей предложения, строки 37–38 и половина 39-й утрачены полностью. Базируясь на сообщении Диогена Лаэртия (3.46), который, со ссылкой на Дикеарха, пишет, что среди учеников Платона были две женщины, Ласфения из Мантинеи и Аксиофея из Флиунта, Гайзер предлагает строки 30–41 этой колонки реконструировать так: «Подлинную общность и совместную жизнь свободных людей они отличали от равноправия Даков и Гетов. Ведь истину и науки, к ней стремящиеся, должно отделять от усилий, направленных на выживание, а помышляющие лишь о пользе ничем не отличаются от домашних слуг. Зная силу письменного слова, Платон вдохновил многих на расстоянии через свои книги. Уникальный случай – я уверен – Аксиотея, покоренная [его сочинениями], и она была действительно мудрой женщиной, не уступающей в доблести мужчинам, так как не только размышляла и разбиралась [в философии], но даже, нисколько не стесняясь, носила потрепанный плащ. И она посещала...». Отметим вновь, что это всего лишь филологический опыт, хотя и интересный. Женщины платоники упомянуты и в шестой колонке папируса в списке учеников Платона.

Col. II. 1–38

... другими (не узанный?). ... человеколюбия ... равным».¹ И хотя Дикеарх написал именно так, Филохор в шестой книге своей «Истории Аттики» порицает ... Зная, что ... в [пятой] книге пишет: «И они посвятили статую Сократа и ее [постамент], на котором было написано: *Это сделал Бутес*... написано много имен ... они посвятили ... статую ... из бронзы ... на которой написано ... посвящение ... мусей,² [но] Платон был из дема Коллит». Он говорит, что он (Платон) умер в архонтство Теофила в возрасте восьмидесяти двух лет.³

1. В предложении читается лишь три слова. Примерная реконструкция Гайзера: [Платон иногда не брал денег, из общего] человеколюбия [и потому, что предоставлял равное] равным». Следующее за цитатой упоминание имени Дикеарха однозначно доказывает принадлежность этого и предыдущих двух текстов ученику Аристотеля.

2. В данной колонке читаются строки 4–7, 12–18 и 33–38, в остальных различимы лишь отдельные слова и словосочетания. Источник эксплицитно меняется: Филодем переходит к цитированию из *Истории Аттики* афинского политика III в. Филохора (фрагменты: Costa 2007). Речь идет о посвящении статуи (или статуй) Сократу, хотя некоторые авторы полагают – Исократу. Имя скульптора также читается по-разному: [Σ]ώτης или [Β]ούτης, что не так важно, учитывая то обстоятельство, что ни одно из этих имен нигде более не упоминается. Создается общее впечатление, что цитируемый автор настроен критически (Spreyer 2001, 84–85). Само по себе сообщение звучит вполне уместно из уст Филохора, который, как мы знаем, принадлежал к влиятельной жреческой семье.

3. То есть в первый год 108 олимп. (348/7). Согласно Гермиппу, Платон умер в возрасте восьмидесяти одного года, а по сведениям Неанфа – в возрасте восьмидесяти четырех (Диоген Лаэртий 3.2).

Col. V. 1–21

... [звезды] философов [перекочевали] к Гермию. И хотя ранее Гермий весьма благосклонно приглашал их, то теперь тем более настаивал из-за Платона. Как только они прибыли, он передал им все другие вещи в общее пользование и выделил для проживания город Ассос, в котором они занимались философией, живя единым сообществом (εἰς ἓνα [περί]πλτον συνιόντες), а Гермий предоставил им [все необходимое]. Они верили в то, что посредством философии возможно изменить ... в направлении ... монархию ... речение [Платона], чтобы одна земля всех их [навсегда приняла] ...¹

1. К Гермию, Эрасту и Кориску обращено *Шестое письмо*, входящее в корпус платоновских сочинений, из которого следует, что эти два ученика Платона уже жили во время его написания у Гермия, а сам он, согласно автору письма, с Гермием лично не встречался (323a); Аристотель, по сообщению Аполлодора (Диоген Лаэртий 5.9), удалившись к Гермию после смерти Платона в первый год 108-й олимп., провел у него три года. В папирусном фрагменте Комментария Дидима к *Филиппикам* Демосфена (col. 5.53–66; Harding 2006, 137–143) говорится, что Гермий «предоставил им место» и что, как результат общения с философами, «тирания изменилась и стала мягче». В колонке почти не сохранились строки с 15 по 19. Ассос располагался в Малой Азии (провинция Чанакалле, Турция), и его расцвет заканчивается в 341 г. до н. э, когда город был захвачен Артаксерксом III, Гермий погиб, а Аристотель бежал к Филиппу II Македонскому. В ходе современных раскопок в Ассосе обнаружен храм Афины, восходящий к архаическому периоду, акрополь, агора и ворота классического периода, эллинистические театр и бани.

Col. X. 1–43

... так как другие это собрали вместе, я кратко пробежусь по всему, написанному о Платоне, записав следующее. Платон, будучи учеником Сократа и потерявши его еще [в молодости], когда ему был двадцать один год, отплыл на Сицилию и в Италию к пифагорейцам и, пробыв с ними некоторое время, присоединился к Дионисию, называемому Старшим.¹ Но так как тот снес его свободные высказывания плохо, ведь когда он (Платон) был спрошен, кто, по его мнению, счастливее всех, то он не назвал таковым его (Дионисия), как это, возможно, делали другие, почувствовав недовольство² ... передан некоему торговцу из Лакедемона, отплывающему в Афины ... на Эгине став рабом, и пока он был на Эгине ... Пелопонесской войны³ ... получил свободу ... Дионисию Младшему ... Платон ... его имя ... снова домой,⁴ где, проведя некоторое время со своими с близкими, по просьбе Диона отправился к Дионисию. Но там, будучи ложно обвинен в сотрудничестве с Дионом, который хотел свергнуть тирана, едва не погиб, спасшись скорее по воле бога, нежели потому, что он (Дионисий) не посмел нечестиво ...⁵

1. Текст Филодема, к сожалению, лишен связности. Он просто переходит от одного эпизода к другому, в частности, объединяя первую «ознакомительную» поездку Платона на Сицилию, о которой, впрочем, ни Диоген Лаэртий (3.18), ни Олимпиодор (*Жизнь Платона*) ничего конкретного также сказать не могут, со второй поездкой ко двору Дионисия Старшего, между которыми должно быть пролегают годы. В самом деле, Диоген Лаэртий (3.6) сообщает, что после смерти Сократа Платон сначала жил в Мегаре у Евклида, затем в Кирене у Теодора и лишь затем отправился к пифагорейцам в Италию (все эти данные происходят из книги Гермогена о котором см. col. VI), а оттуда в Египет и, вернувшись из этого путешествия, основал школу в Академии. Автор *Седьмого письма* (324b) прямо говорит, что впервые Платон посетил Сиракузы в возрасте сорока лет.

2. Диоген Лаэртий (3.19) и Плутарх (*Дион* 5) отмечают политическую составляющую беседы Платона с Дионисием. Все они в качестве основного разногласия между ними указывают на неприятие Платоном тиранической власти Дионисия – той самой, которую столь подробно осуждает автор *Седьмого письма*. Филодем существенно упрощает картину, сводя беседу философа и тирана к подобию знаменитого диалога между Солоном и Крезом (Плутарх, *Солон* 27), что не подтверждается более ни одним античным источником, кроме неоплатоника Олимпиодора (*Жизнь Платона*), согласно которому Платон будто бы даже назвал самого счастливого человека – Сократа.

3. Очевидно, имеется в виду Коринфская война 395–387 гг., в которой Эгина воевала против Афин, так что любой гражданин враждебного полиса, оказавшийся на Эгине, по местным законам мог быть продан в рабство. О поездках Платона на Сицилию и этом эпизоде писал Аристоксен в своем *Жизнеописании Платона*, хотя упоминание об этом сохранилось лишь в виде небольшой сатирической ремарки у Лукиана (*Парасит* 34, фр. 62 Wehrli) и не менее загадочном сообщении у Плутарха (*Тимолеон* 15, фр. 32 Wehrli) о том, как сам Аристоксен в молодости спрашивал уже бывшего тирана Дионисия Младшего (тогда жившего в Коринфе) о том, что случилось тогда между ним и Платоном. Судя по всему, Дионисий весьма сожалел, что в свое время послушался своих придворных, а не Платона. Другие наши источники (Диоген Лаэртий 3.19; Плутарх, *Дион* 5.3; Олимпиодор, *Жизнь Платона*) могут так или иначе использовать материал из этого утраченного жизнеописания. Хронологически, Филодем древнейший из них. Как бы там ни было, согласно Диогену и Плутарху, в этом событии был замешан спартанский посол Полид, который и доставил Платона на Эгину, Филодем же с опорой на Неанфа (ниже, Col. III) просто сообщает, что это были некий купец или спартанские моряки.

4. Строки с 22 по 32 в этой колонке сохранились очень плохо. Ясно, что здесь начинается рассказываемая далее знаменитая история о продаже Платона в рабство. Несмотря на состояние текста, контуры истории четко угадываются: Платон был отдан спартанцу [имя Поллида не называется], дабы тот продал его в рабство. Спартанец отвез его на Эгину, где тот был выставлен на продажу как военнопленный. Случайно оказавшийся там философ-киренаик Анникерид (по сообщению того же Диогена) выкупил его за двадцать или тридцать мин и предоставил ему свободу. Олимпиодор со ссылкой на Аристиду сообщает, что Анникерид отправлялся в это время на состязания в Олимпию (очевидно, игры 386 г.) и, выкупив Платона, покрыл себя славой большей, нежели победа в конных состязаниях. Исторически важно следующее далее у Диогена сообщение о том, что именно на эти деньги затем был куплен сад в Академии, ставший местом будущей школы Платона.

5. Эти события также хорошо известны из других источников. Согласно Диогену Лаэртию (3.21–22) Платон хотел попросить Дионисия предоставить ему «землю и людей», где он мог бы жить по законам своего Государства, но в результате сам был обвинен как заговорщик. По версии Диогена за него перед Дионисием заступился пифагореец Архит. Первоисточником этой истории, конечно же, было *Седьмое письмо* Платона (329d сл.), в котором отмечается и роль Архита (338e сл. и 350a сл.). Последнее предложение отрывка также находит параллель в письме, где сперва его автор говорит, что «злой рок» не позволил планам Платона осуществиться (337e), а в другом отмечает, что Дионисий все же испытал чувство стыда и не тронул философа (340a).

Col. Z. 1–22

... определенное отношение по его отбытию. Кроме того, говорят, что [если Платон] ... он сам, как он выступил, записано в соглашении ... речь ... видя, что ... игр ... Диона и друзей [опасную встречу] ... в поддержку олигархии ... других ... противников ... о мудрости ... но также ...¹

1. В данном фрагменте не читается ни одного цельного предложения, однако представляется очевидным, что он касается той же второй и, возможно, третьей поездки Платона на Сицилию, которую философ предпринял некоторое время спустя для того, чтобы (безуспешно) примирить Диона с Дионисием (Диоген Лаэртий 3.23). В *Седьмом письме* Платон застаёт покинувшего Сицилию Диона на Олимпийских играх (350b сл.), о чем, возможно, и шла речь у Филодема, хотя его источником, несомненно, был историк Неанф Кизикийский (Диоген Лаэртий 3.25 также передает эту историю со ссылкой на Неанфа). Тогда упоминаемое им «соглашение» может отсылать к обещанию Дионисия не трогать сторонников Диона на Сицилии (349a сл.), а упоминаемой в отрывке «олигархией» могут, например, быть те пятьдесят законодателей, которые могли бы, по мысли автора письма (337b сл.), установить в стране справедливые законы после свержения тирана.

Col. II. 39–44 и col. III. 1–23

Неанф говорит, что он слышал от Филиска Эгинского, что Платона его родители называли так из-за ширины ($\pi[\lambda\acute{\alpha}\tau\omicron\varsigma]$) его лба¹ и что некие спартанские [моряки], прибывшие (на Эгину), выставили афинян на продажу,² так что Платон, оставаясь неузнанным, был продан очень [бедному] человеку,³ ведь, понимая, что спартанцы, отплывая, постараются забрать с собой и своих пленников, он [скрыл] (свою идентичность), опасаясь оказаться в [Македонии] у Архелая,⁴ открывшись лишь своему покупателю и пообещав большое вознаграждение в обмен за освобождение, причем он (покупатель) не удивился ... так как также узнал ... ширину его лба ... Платон ....⁵

1. Сообщая о том, что Платон был так прозван за широкий лоб, Диоген Лаэртий (3.4) также ссылается на историка Неанфа, который, как мы теперь узнаем благодаря Филодему, получил эти сведения от своего учителя Филиска, который, в свою очередь, учился у Исократы (Суда N 114, Ф 360). Согласно Диогену (3.4), другие думали, что Платон, прежде звавшийся Аристоклом, был так прозван за крепкое телосложение или, по мнению других, за широту слога.

2. См. прим. 3 и 4 к Col. X, выше.

3. По традиции, считается, что это был философ киренаик Анникерид (см. прим. 3 к Col. X).

4. Архелай правил Македонией с 413 по 399 гг. и, в целом, был другом Афин и весьма успешным правителем. Он поддерживал искусства. Его, среди прочих, посещали Еврипид, написавший там своих знаменитых *Вакханок*, и Фукидид. Платон весьма негативно оценивал личные качества Архелая, обвиняя его в кровавом захвате власти (*Горгий* 471a–e).

5. Строки с 23 по 34 колонки III утрачены полностью.

Col. III. 35–43 и col. V. 1–18

Филипп,¹ философ и астроном, ставший секретарем Платона и его учеником, сообщил ему, что Платон, будучи стариком, принимал у себя иноземца из Халдеи ... у него (Платона) был жар. Этот же (человек), при помощи фракийского слуги,² песню своей страны ($\epsilon\gamma\gamma\epsilon[\nu\epsilon\varsigma]$) исполнил с использованием дактилического ритма. Платон тут же закричал, что он не в своем уме и обратился к нему, тот же ответил: «Понимаешь (теперь), что варвары совершенные неучи, ведь, *люди варварских земель, чьи уши невосприимчивы к ритму, не в силах выучить [должное]*»,³ – весьма его (Платона) порадовав, так что тот, пребывая в хорошем настроении, похвалил гостя и за те мысли, что пришли ему на ум, и за тот способ, каким он их выразил. Испытывая жар ($\delta\iota\alpha\theta\epsilon\rho\mu\alpha\chi\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\omicron\varsigma$), он пробудился как-то ночью в неподходящее время ...⁴

1. Имеется в виду Филипп Опунтский, но источником Филодема, по-видимому, остается тот же Неанф. Подробнее о Филиппе см. Dillon 2003, 179–197 (Диллон 2005, 206–225).

2. Гайзер полагает, что слуга аккомпанировал ему на авле.

3. Стихотворная цитата ямбическим триметром, возможно из трагедии. Очевидно, халдей, хотя и безуспешно, музыкой пытался вылечить (или хотя бы развеселить) больного Платона. Музыкальное выступление, по-видимому, не удалось, зато халдей порадовал Платона своей последующей речью. Подробнее см. Kingsley 1995.

4. Или: «Разогревшись (вином?), он разволновался (возбуждился) как-то ночью в неподходящее время...», так как διαθερμαυθέντος может указывать как на то, что Платон испытывал жар в результате воспаления, так и на то, что он был «разогрет» вином, ведь, согласно Гермиппу (Диоген Лаэртий 3.2), Платон умер во время свадебного пира. На это указывает и стоящий далее в тексте ἔγερσις, который может означать не только «пробуждение», но и «возбуждение». Так как Филодем постоянно переходит от одного сюжета к другому, то это случилось не обязательно в ту же ночь, когда он принимал халдейского гостя, хотя его пение вполне было бы уместным на свадебном пире. Строки с 19 по 31 в этой колонке не сохранились.

ДРЕВНЯЯ АКАДЕМИЯ ОТ СПЕВСИППА ДО КРАТЕТА
(348/7 – ОК. 268/64 ГГ. ДО Н. Э.)

Col. V. 32–VI. 10

[Учениками Платона были] ... [Спевсипп Афинский, Ксенократ Халки]донский,¹ Гераклид и Аминт,² оба из Гераклеи, Менедем Пиррский,³ Гестиэй Перинфский,⁴ Аристотель Стагирит, [Херон] из Пеллены,⁵ Дион Сиракузский, низвергший тиранию Дионисия, Гермодор Сиракузский, писавший о нем и переправивший его диалоги в Сицилию,⁶ Эраст и [Кориск Скепсийские],⁷ Асклепиад, написавший о нем воспоминания, Кизикийский Тимолай, Каллиген, Афинский Тимолай, которого Спевсипп упоминает в *Поминках по Платону*, Архит Тарентский, Хион, низвергший тирана Гераклеи, Пифон и [Гераклид], убившие Котия и за это получившие афинское гражданство и увенчанные золотым венком, оба Эноские.⁸ Кроме того, он передает ...⁹ что женщины учились вместе с ними ([συνεσ]χόλασαν), будучи одеты в мужскую одежду.¹⁰

1. Имена в квадратных скобках добавлены на основании других списков учеников Платона, более или менее стандартных (см. Диоген Лаэртий 3.46).

2. Мы не знаем, кто это, но так как в аналогичном месте списка у Диогена Лаэртия стоит имя Амикл Гераклеяский, то его можно отождествить с математиком Амиклом, о котором упоминает Прокл (Комментарий к *Началам* Евклида 67.8).

3. См. ниже, col. VI.

4. Гестиэй упоминается в одном доксографическом сообщении в связи с движением планет и теорией зрения (318.15, 403.19 Dox. Gr.). Кроме того, Теофраст в *Метафизике* (6b9) пишет, что, подобно Ксенократу, он стремился изучать все разнообразие действительности и, наконец, Порфирий (фр. 174 Smith) упоминает его среди тех, кто писал о знаменитой лекции Платона *О благе*.

5. Имя «Херон» надписано в папирусе между строк. О нем см. ниже col. XI–XII.

6. Гермодор упоминается также Цицероном (*Письма Аттику* 13.21.4), причем с определенным сарказмом: очевидно, распространение книг Платона, в пифагорейском ключе, ассоциировалась не только с наживой, но и «открытием» тайных знаний невеждам. Естественно предположить, что Гермодор стал учеником Платона во время пребывания последнего на

Сицилии. Диоген (2.106 и 3.6) упоминает его сочинение о Платоне, сообщая, что после смерти Сократа Платон сначала поехал в Мегары к Евклиду, затем в Кирену к математику Феодору, а лишь потом в Италию к пифагорейцам (см. col. X, выше, прим. 1). Сохранилось несколько упоминаний о его философских сочинениях. Подробнее см. Dillon 2003, 198–204 (Диллон 2005, 226–233). Фрагменты: Isnardi-Parente 1982.

7. Об Эрасте и Кориске см. col. V, выше, и Платоново *Шестое письмо*.

8. Котий был фракийским царем (382–358 гг. до н. э.), однако его убийство у Диогена Лаэртия (9.66) приписывается Пиррону (со ссылкой на Диокла).

9. Строки 21–25 не сохранились. Возможно, там речь шла о Спевсиппе, если судить по параллельным упоминаниям учениц Платона и Спевсиппа у Диогена Лаэртия 4.2.

10. Согласно Дикеарху, их звали Ласфения из Мантинеи и Аксиофея из Флиунта (Диоген Лаэртий 3.46 и 4.2). Из списка Диогена здесь не упомянуты Филип Опунтский (скорее всего, его имя шло одним из первых), а также иначе не известные Эвеон Лампсакский, Гиппофал и Каллип Афинские, и Деметрий Амфипольский. Вместо Аминта у Диогена, как уже упоминалось, стоит Анкл, причем ряд имен у него отсутствует. В целом, список Филодема выглядит более основательным хотя бы потому, что дает дополнительные сведения о малоизвестных личностях.

Col. T. 1–13

Это пишет о нем Диодор,¹ который, хотя и сочинил свою историю во времена Теофраста, сам был учеником Спевсиппа: «Природа и трудолюбие его заслуживают особого упоминания. Ведь он не только занимался всевозможными предметами и высказался обо всем [достаточно подробно], но и так что, как казалось, если бы он не облюбовал места для занятий (διατριβήν) [в пределах мусея (ἐ]ἰς τὸ μουσεῖον π]έραν)]»² ...

1. Согласно Диогену Лаэртию (4.2), этот иначе неизвестный ученик Спевсиппа сочинил «Памятные записки», в которых приписывает своему учителю способность связывать разные науки друг с другом (как как прутья в вязанке хвороста). И действительно, список сочинений Спевсиппа у Диогена показывает необычайную широту интересов. Подробнее о нем: Dillon 2003, 30–88 (Диллон 2005, 43–107). Фрагменты: Isnardi-Parente 2007.

2. Платон, а затем Спевсипп, Менедем и Ксенократ совершали со своими учениками прогулки и проводили занятия в публичном парке неподалеку от мусея и «сада», который принадлежал Платону, а затем перешел во владение его преемникам. Именно такую сцену рисует комедиограф Эпикрат (фр. 11 Kock), описывая как Платон, Спевсипп и Менедем учили юношей процедуре диэрезы на примере тыквы, а Элиан (*Пестрые рассказы* 3.19) рассказывает, как престарелый Платон, не желая терпеть общества Аристотеля и его сторонников, покинул «место для прогулок (περίπατος)» снаружи и удалился внутрь своего «сада». О физическом устройстве Академии см. Dillon 2003, 2–15 (Диллон 2005, 12–27) и Афонасина 2019.

Col. VI. 28–40

Спевсипп ведь от самого Платона, хотя и [был болен],¹ получил место для занятий (διατριβήν). Спевсипп же, как говорит Филохор, когда завладел мусеем (τὸ μουσεῖον), [посвятил Харитам статуи,] на которых было написано следующее: «Этих [священных] богинь, Харит, Музам посвящает Спевсипп, ради речений свершив дар (λο[γί]ων [εἴ]νεκα δῶρα τελῶν)»² ... парализован. Также он (Филохор) пишет, что он заведовал этим местом для прогулок (τὸν περίπατον) восемь лет до своей смерти.

1. Диоген Лаэртий (4.3) также отмечает, что Спевсипп начал управлять школой еще до смерти Платона и по его личному указанию, будучи уже в возрасте и испытывая проблемы со здоровьем (вероятно, страдая от артрита).

2. Согласно Диогену Лаэртию (4.1), он добавил эти статуи к святилищу Муз (мусею), основанному Платоном в Академии. Далее, рассказывая уже о Полевоне, Диоген (4.19) описывает местоположение этого святилища, говоря, что сам Полевон жил затворником в «саду» Академии, тогда как его ученики селились близ мусея и крытой галереи. Из надписи следует, что Спевсипп, возможно, исполнил таким образом какой-то религиозный обет.

Col. VI. 41–VII. 18

Молодежь же решила определить голосованием, кто будет руководить,¹ и избрали Ксенократа Халкедонского.² Аристотель в это время был в Македонии, а Менедом Пиррский и Гераклид Гераклеяский³ проиграли ему лишь несколько голосов. Гераклид затем отправился на Понт, а Менедом обустроил для себя другое место для прогулок (*περίπατον*) и занятий (*διατριβήν*). [Присутствующие тогда в Академии] предпочли Ксенократа потому, что восхищались его сдержанностью. Ведь в Спевсиппе жил более буйный нрав, нежели в иных людях, не знающих меры, так что, [побежден сладострастием, он страдал слабостью суставов] ...⁴

1. То есть, должны были решить, кто возглавит Академию после смерти Спевсиппа в 339/8 г.

2. Подробнее см. Dillon 2003, 89–155 (Диллон 2005, 108–181). Фрагменты: Isnardi-Parente 1982.

3. Традиционно Гераклид считается одним из ближайших учеников Платона, лишь косвенно связанным с Аристотелевским Ликеем (см. Цицерон, *О законах* 3.14, *О природе богов* 1.13.34, *Тускуланские беседы* 5.3.8–9, *О дивинации* 1.23.46; фр. 30, 72, 85 и 117A Schütrumpf, соответственно). Лишь Прокл (фр. 66, *Комментарий к «Тимею»* 4.281e) по каким-то причинам отрицает это. Фрагменты: Schütrumpf et al. 2008, Афонасин 2020. Сообщение о нем см. col. IX, ниже.

4. О несдержанности и вспыльчивости Спевсиппа, как и о его болезни, пишет Диоген Лаэртий (4.1 и 3), однако, возможно, все эти анекдотические истории – это просто отражение собственного учения Спевсиппа о наслаждении (Dillon 2003, 64 sq.; Диллон 2005, 80 сл.).

Col. VII. 22–VIII. 46 и IV. 1–24

... здесь был Антипатр, который радушно принял других... ведь ... говорят ... его ... Антипатр... благосклонно принял ответ. И когда его спросили, что он думает о проекте соглашения, то он ответил, что оно годится для домашних слуг, но горестно для свободных людей.¹ Говорят, что благорасположение Ксенократа к народу было таково, что он даже не стал приносить жертву музам, когда (вражеский) гарнизон вошел в город. И позже, когда Демад установил свое правление и внес Ксенократа в списки афинских граждан, он не решился принять эту регистрацию, заметив, что для него было бы позором иметь что-либо общее с правительством, против создания которого народ избрал его выступить в качестве посла.² Некоторые же, говоря, что Ксенократ вернулся из дипломатической поездки, не достигнув успеха, так что союзник Антипатра был избран голосованием [в качестве посредника] для народа ... Кроме того, Тимей ... его ... менее ...³ некоторые же пишут о нем ... статья ... завтра ... слышать ... о празднике ... посетив ...⁴ А так как там присутствовало сто пирующих, слугами была принесена сотня золотых кубков для вина. После того, как каждый кубок был наполнен вином, а большой и красивый золотой венок помещен в центре на треножнике, он (Дионисий) сказал, что венок достанется тому, кто первым выпьет вино. Выйдя победителем, Ксенократ взял его (венки) и увенчал статую Гермеса так, как если бы это была гирлянда из цветов. Вести об этом поступке быстро

разлетелись, а человек, выказавший такое пренебрежение к золоту, заслужил восхищение большее, нежели тот, кто столько всего приготовил в один день ... Его учениками, как говорят, были Ксенократ, [бывший его родственником], Метрон и Адемант из Этолии, Крантор из Сол, афинянин Кратет, ... из Мессины, Олимпиад ... и Полемон Афинский,⁵ который принял после него школу. Другим ... похвалив ... все, что ... показал ...

1. В седьмой колонке строки 19–21 утрачены полностью, строки 22–35 сильно повреждены. История об участии Ксенократа в посольстве к македонскому регенту Антипатру после поражения Афин и их союзников в Ламийской войне в 322 г. хорошо известна (Диоген Лаэртий 4.8–9, Плутарх, *Фокион* 27.1–4). В частности, сообщается, что Антипатр радушно принял других послов, но не Ксенократа. Передает Плутарх и реакцию Ксенократа на унижительное для Афин соглашение.

2. См. Плутарх, *Фокион* 29.4, который сообщает, что гражданство Ксенократу предложил не Демад, а Фокион. Но философ также от него отказался.

3. Первая часть сообщения Тимея из Тавромения утрачено полностью.

4. Строки с 18 по 34 почти полностью утрачены. Очевидно, это начало последующей истории о праздничном пире во дворце сицилийского тирана Дионисия Младшего, рассказываемой и другими античными авторами. Афинея (*Пирующие софисты* 10.437B) излагает ее со ссылкой на Тимея, на которого, должно быть, опирался и Филодем.

5. О преемнике Ксенократа Полемоне см. ниже, col. IV, XIII–XV. О Кратете и Кранторе см. небольшие главы у Диогена Лаэртия (4.21–27) и ниже, col. XV–XVI, S, Q. Подробнее о Кранторе см. Dillon 2003, 216–230 (Диллон 2005, 246–261). Адеманту из Этолии, возможно, посвящена col. R, ниже.

Col. IX. 1–X. 35

Он был опытным предсказателем и, как говорят некоторые, Гераклид¹ кроме того был и учителем грамматики, что потенциально одно и то же. Поэтому, «когда в области Гераклеи случился неурожай сначала из-за засухи, а затем по причине затяжных дождей, на землю Гераклеи на многие годы пришел голод. И после того, как жители Гераклеи обратились, по их сообщению (к пифии) ... Кефисоген пифии... Когда же ответ был прочитан, Кефисоген упал замертво... Гераклид оступился, упал и, скатившись по ступеням в центр театра, ударился головой о каменный выступ. Так что он испустил дух почти что вслед за подкупившим (пифию). Случилось также и так, что прорицательница, как только она вошла в храм, была укушена змеей и умерла».² Этот же человек³ говорит, что среди философов были и лучшие ученики, и лучшие граждане, нежели он (Гераклид), и к тому же лучшие риторы ... об искусстве ... хороший ... хорошего ... мудрого ... выступая против философов, он говорит правду, так как о делах Диона Сиракузского рассказывают и многие другие.

1. Полную фантастических деталей биографию Гераклида подробно рассказывает Диоген Лаэртий (5.86).

2. Эта история известна также благодаря Диогену Лаэртию (5.91): «Гермипп сообщает, что когда в стране наступил голод, жители Гераклеи обратились к пифии за помощью. И Гераклид, как говорят, подкупил посланников и вышеупомянутую пифию, чтобы они дали ответ, что мол беда отступит лишь тогда, когда они увенчают Гераклида, сына Евтифрона прижизненно золотым венком, а после смерти будут почитать его как полубога (героя). Подложный оракул был доставлен в город, но те, кто его подделал, ничего не получили. Ведь как только они увенчали Гераклида в театре, его тут же разбил паралич, послов забили камнями до смерти, а сама пифия

в тот же час, спускаясь в святилище, наступила на одну из своих змей, была укушена и тут же испустила дух. Вот что говорят о его кончине». Гермипп писал биографии знаменитых людей, жил в конце III в. до н. э., был родом из Смирны и учился у Каллимаха.

3. Это плохо сохранившееся сообщение приписывается тому же автору, что и предыдущее (у Диогена Лаэртia это Гермипп, который упоминается и в следующей колонке) и касается вопроса о вовлечении философов в политические дела. О друге Платона Дионе Сиракузском см. выше. Возможно, Филодему или цитируемому им автору показалось уместным в этом месте сравнить нашего Гераклида с сицилийским военачальником Гераклидом, союзником, а затем противником Диона, убитым по приказу последнего в 354 г. (Диодор Сицилийский, *Историческая библиотека* 16.16.2, Плутарх, *Дион* 53 и др.).

Col. X. 35–XII. 1–41

Обсуждать еще и эти сообщения в данном сочинении – это не мое дело, равно как и [выяснять], что было сделано (в них) в согласии с философией, [а что нет]. Однако ничто не мешает нам добавить сведения о Хероне из Пеллены, которые передает Гермипп в сочинении «О людях, от преследования мудрости (философии) перешедших к [стремлению] к доблести и власти». «Херон из Пеллены пребывал в Академии при Платоне и Ксенократе, однако, одержав два или три раза победу в борьбе, ни разу не оступившись и, как говорят, трижды став победителем в Пифийских играх, он [не пожелал более] оставаться покладистым учеником благородного и доблестного [мужа] ... равных ... показательно совершив прекрасные вещи благодаря своей дерзости ... [презрительно] ... весьма ... Антипатра ... благодаря Коррагу и другим доблестным воинам, которые пришли с ним на Пелопоннес, захватив власть в своем родном городе, он изгнал из него граждан и передал рабам имущество и жен их господ». Фений же сообщает, что из любви к славе и наживе, а также благодаря своей заслуженной победе в Олимпии, он превратился в дерзкого тирана. Некоторые говорят, что он даже пытался основать город Херонею близ так называемого мегарского ... его ... и упомянутый Ксенократ ... школу ... к послам Антипатра ... благодаря Коррагу и тысяче воинов, пришедшим с ним на Пелопоннес ...».¹

1. Сообщение Гермиппа здесь дополняется выдержкой из книги Фения из Эреса о тираноубийцах. Примечательно, что, в отличие от Гермиппа, который явно обвиняет Херона в том, что тот отошел от политического учения своего наставника Платона, рассказывающий ту же историю Афиней (*Пирующие софисты* II, 509a–b), напротив, отмечает, что тираном он стал благодаря «великолепному» *Государству* и «беззаконным» *Законам*. В целом, история о тирании Херона хорошо известна: ее также упоминают Псевдо-Демосфен (*Речи* 17.10) и Павсаний (7.27.7). Сообщение перипатетика Фения о том, что Херон хотел основать город в свою честь, видимо, желая в этом уподобиться Александру, уникально.

Херон упоминается также в одном изолированном фрагменте сочинения Филодема, на сей раз со ссылкой на перипатетика Дикеарха из Мессины: «Дикеарх говорит... Но [Херон]... показал дерзкими делами...» (*PHerc* 164, fr. 22.1–7).

Col. IV. 25–45, XIII. 1–10

Антигон¹ же, сам ... прическа² ... так как (Полемон³), происходя из дема Эи, как говорит Антигон, и будучи сыном Филострата, одного из первых людей Афин, также вроде бы некогда был в числе тех, кто разводил лошадей для скачек. Рассказывают, что в молодые годы он сначала вел разгульный образ жизни, так что как-то целый день пьянствовал во время процессии через Керамик, а жена выдвинула против него позорное обвинение в дурном с ней обращении,

поскольку он увлекался мальчиками и юношами. А еще он постоянно носил с собой монеты различной ценности, дабы всегда иметь их наготове в случае какой-либо надобности.⁴

1. Сведения о Полевоне, Каратете и Кранторе, которые приводит Филодем, восходят к биографическому сочинению эллинистического собирателя историй Антигона из Каристоса (ок. 240 г. до н. э.), который был также источником для Диогена Лаэртия, что облегчает восстановление пропущенных мест. Фрагменты из сочинений Антигона собраны Т. Доранди (Dorandi 1999a). Данный отрывок – это фр. 8 и 9A Dorandi.

2. С 25 по 37 строку текст в этой колонке не сохранился. Можно предположить, что «прическа» упомянута Антигоном в связи с известной историей о разгульной жизни молодого Полевона.

3. Полевон, о котором далее пойдет речь, сменил Ксенократа на посту главы Академии в 314/13 гг. и оставался схолахом целых сорок лет, до самой своей смерти в 270/69 гг. Фрагменты сочинений Полевона и свидетельства о его учении: Gigante 1977; исследование его философии: Dillon 2003, 156–177 (Диллон 2005, 182–204).

4. Диоген Лаэртий (4.16) развивает эту тему. Он сообщает, что он также прятал монеты в различных местах и одна такая, в три обола (то есть как раз достаточная для того, чтобы оплатить услуги уличной девки), была обнаружена у одного столба в Академии.

Col. XIII. 10–45, XIV. 1–12

Но увлекшись Ксенократом и связавшись с ним, он изменил свой образ жизни настолько, что с тех пор не менялся в лице, не подавал вида и не повышал голоса, сдерживая себя, даже если был чем-то недоволен.¹ Особенно он подавлял страх перед собаками. Говорят, что как-то на него напала бешеная собака и вцепилась ему в лодыжку, и хотя все присутствующие [пришли в ужас или отвернулись], он оставался [невозмутимым] ...² хотя возражающие против этого, как ты увидишь, доминируют. И во время театральных представлений он сидел неподвижно, тогда как другие живо реагировали на сказанное.³ По-видимому, он был невелик ростом, однако благородной наружности, напоминая изображение самоуверенного и твердого человека, как писал об этом Меланф[ий], будучи украшен величавостью, достойной политика.⁴ Да и сам он негодовал по поводу тех, кто предметом спора делал неразрешимые вопросы, достойным занятием считая лишь дельные упражнения (*ἐν τοῖς πράγμασιν γυμνάζεσθαι*). Посему, занимаясь этим делом, он и сам был безупречным (*ἀσόλοικος*), и, сторонясь всякого умствования (*ἀστεισμοῦ*), оставался, как говорится, ревностным приверженцем Пиндарова сложенья (*ἄρμονίας*).⁵

1. Аналогичное место у Диогена (4.17) также восходит к Антигону. Но перед этим (4.16) и, возможно, на основании иного источника, он сообщает, что молодой Полевон вломился в Академию с венком на голове, пьяный и в сопровождении друзей, и к философии обратился, выслушав речь Ксенократа об умеренности. В целом эта очень известная история на разные лады пересказывается в 14-ти источниках (Полевон, фр. 15–33 Gigante). Афинея (*Пирующие софисты* 2, 44е) полагает, что в это время Полевону было уже ок. 30 лет. Дж. Диллон (2005, 183) высказывает сомнение по этому поводу, считая, что Полевон должен был в это время быть значительно моложе, а поэтому, возможно, еще не был женат. Как бы там ни было, ясно, что с женой он должен был разойтись, так как из дальнейшей истории следует, что жил он со своим другом и будущим преемником Кратетом в доме их общего друга Лисикла (Диоген Лаэртий 4.22).

2. Строки 27–35 не читаются. Возможно, там было то же, что и у Диогена (4.17): «...он даже не поблдедел, и сохранял невозмутимость, несмотря на шум, который поднялся по этому поводу в городе».

3. Диоген постоянно сравнивает Полемона с Кратетом, тогда как у Филодема эта линия отсутствует. Трудно сказать, была ли она у самого Антигона. До этого Диоген отмечает, что Полемон привлек Кратета своей невозмутимостью, в данном же случае он пишет, что, в отличие от Кратета, Полемон никак не отреагировал на чтение стихов Гомера самим «Никостратом, по прозвищу Клитемнестра», должно быть знаменитым тогда рапсодом.

4. Из слов Плиния (*Естественная история* 35.32) следует, что Меланфий сам был живописцем из школы Апеллеса. Диоген (4.18) связывает это сообщение с последующим замечанием о том, что и сам Полемон говорил, что диалектическим упражнениям должно предпочитать поступки.

5. У Диогена (4.18) это сообщение дополняется утверждением, что, согласно Полемену, не применять теорию на практике – это все равно, что выучить гармонику по учебнику или быть в состоянии ответить на любой вопрос, не умея при этом упорядочить собственную жизнь. Практическую этику Полемона, в соответствии с которой цель человека – это жизнь в согласии с собственной природой, а добродетель – достаточное условие для счастья, подробно исследует Джон Диллон (2005, 185–193).

Col. XIV. 13–46, XV. 1–46

Избегая общения и сторонясь толпы, оставаясь в одиночестве, наподобие тех, кто стремится к затворничеству¹ ... всякого различия ... превыше ... то, что признавалось ради хорошего или даже приемлемого отношения к городу, и люди не переставали восхищаться им и хвалить его на все лады за присущие ему верность и благоразумие, а также за то, что его жизнь была свободна от всяких злодеяний и страданий. Ведь даже ... в суд или публичное здание, если не возникала какая-либо нужда.² Так и проживал он один за городом, тогда как его многочисленные приверженцы, поставив себе домики в саду (ἐν τῷ κήπῳ), проводили рядом с ним большую часть своего времени.³ Должно быть с юных лет он восхищался Ксенократом, всячески воспевал его во всем ему подражал. Кроме того, он был, как говорят, любителем Софокла, более всего восхваляя совершенную слаженность (τὸ παναρμονιώτατον) и смелость (παράβολον) его речей.⁴ Аркесилай, пришедший (в Академию) от Теофраста, сказал, что приверженцы Полемона подобны богам или остаткам неких древних – тех, что вылеплены из рода людей золотого века (ἐκ τοῦ χρυσοῦ γένους διατεπλασμένων ἀνθρώπων),⁵ и это [уже тогда относилось к немногим людям, столь царственным и величественным по природе, хотя они не прекращали] говорить, что большую часть всего этого получили от Платона. Спевсипп же и Ксенократ ... наконец ... столь великие ... сказал чудесно ... осталось Ксенократу ... юношей ... серьезных и трудолюбивых.⁶ После этого ... Кратета ... расположен ... из руководителей Академии, который, будучи хорош собой по сравнению с другими, отважившимися на такое дело, и к тому же принадлежа к старшему поколению, в стремлении увлечь за собой юношу (Кратета), он (Полемон) не только не уступил и не испугался, но, напротив, продолжил бороться и соперничать с ним до тех пор, пока не достиг своей цели и не привлек Кратета к себе.⁷

1. Строки 17–21 утрачены.

2. Это предложение, как и следующее за ним, частично восстанавливается благодаря аналогичному высказыванию у Диогена Лаэртия (4.19).

3. У Диогена топография описана подробнее. Он сообщает, что ученики «ставили домики близ святилища Муз и крытой галереи». Подробнее об устройстве Академии см. предисловие. Согласно Диогену (4.19), Полемон никогда не садился для того, чтобы разобрать аргументы своих учеников, но прохаживался. Это замечание можно истолковывать как простое указание на стиль его преподавания, но оно может означать также, что, подобно Платону, какие-то занятия Полемон проводил не в стенах школы, но в открытом для широкой публики парке. Не

очень понятно также и сообщение Диогена о том, что Полемон жил с Кратетом в доме Лисикла (4.21). Возникает вопрос, почему он не мог жить в доме Платона? И если он жил не на территории самой школы, то зачем там было селиться его ученикам, стремящимся быть ближе к учителю? Можно предположить, что Диоген механически объединяет разные источники и, даже если принять их достоверность, можно предположить, что речь идет о разных периодах жизни Полемона.

4. Диоген (4.20) добавляет, что, по словам Полемона, Гомер – это Софокл в эпосе, а Софокл – Гомер в трагедии.

5. Это сравнение, у самого Антигона из Каристоса и пересказывающего его Филодема относящееся к Полемону и ученикам возглавляемой им Академии, Диогеном Лаэртием (4.22) трансформировано в описание личных отношений между Полемоном и его преемником Кратетом, к которым, собственно, и сводится весь его рассказ.

6. Антигон (или Филодем) продолжает ту же мысль, наряду с Платоном упоминая Спевсиппа и Ксенократа. Строки 18–34 в колонке XV сохранились очень плохо.

7. Эта история о соперничестве внутри Академии никем более не засвидетельствована. О близости и взаимной привязанности Полемона и Кратета подробно пишет Диоген Лаэртий (4.21–23). В частности, со ссылкой на Антигона (фр. 14 Dorandi), он отмечает, что «общий стол» у них был в доме Крантора, у которого жил и будущий основатель Средней Академии Аркесилай. Подобная традиция совместного проживания наставника с ближайшими учениками сохранилась, как известно, вплоть до последних лет существования Академии, когда в доме Плутарха в Афинах жили сначала его ученик Сириан, а затем Прокл. Следует отметить, что сообщения наших биографов нередко следуют определенному паттерну: теоретические воззрения того или иного философа, нередко в сатирическом ключе, переносятся на его жизнь. Так, вечно подавляющий свой гнев и разбрасывающийся домашними питомцами Ксенократ конечно же должен был писать о воздержании, кичливый Гераклид, сочинивший историю об апофеозе Эмпедокла, и сам стремился к личному обожествлению и даже подкупил для этого пифию, а несдержанный в молодости, но любвеобильный Полемон, не только сам научился сдерживать свои чувства, попутно развивая теорию этического ригоризма, впоследствии заимствованную стоиками, но и стал автором теории философской любви, о чем у нас имеются некоторые свидетельства. Действительно, Плутарх сохранил высказывание Полемона: «Любовь – это служение богу ради заботы и спасения юных» (Плутарх, *О необразованном правителе* 780d), и это высказывание естественнее всего прочитывается в контексте философской платонической любви, основы которой заложены в *Пире*, *Федре* и *Алкивиаде I* (Диллон 2005, 191–192).

Col. XVI. 1–15

Крантор, как он (Антигон) говорит, хотя и заслужил восхищение жителей Сол, должен был (δέφν) все же оставить благополучную жизнь там,¹ и прибыв в Афины, сначала слушал Ксенократа, а затем учился у Полемона, хотя его интересовало совсем не то, что увлекало последнего (καίτοι πολὺ διαφέρων ἐν οἷς ἔπαιζεν). Он был трудолюбив ... [не в меньшей мере в поэзии] ... [он напал (?)] ... [говорят], что он оставил после себя тридцать тысяч (поэтических) строк, часть которых некие люди затем приписали Аркесилаю ... их ... себя ... Спевсиппу ... собирался ... образ жизни ... заслуживая не меньших вещей, ухваченных ...²

1. Очевидно, Крантор прославился на родине как поэт (образец его сочинения о любви приводит Диоген – 4.26), но совершенно непонятно, какая именно необходимость заставила его покинуть дом. Возможно, Антигон (или Филодем) не имели в виду ничего конкретного, просто

отмечая стремление молодого человека к лучшему образованию в центре современной ему интеллектуальной мысли. Впрочем, как показывает следующее предложение, он не перестал заниматься поэзией и другой литературной деятельностью.

2. Строки 16–40 очень фрагментированы. О том, что некоторые из сочинений Крантора затем приписали Аркесилаю (возможно, потому что тот издал их), говорит и Диоген Лаэртий (4.24). К сожалению, следующее предложение, где в каком-то контексте упоминается Спевсипп, более ни у кого не сохранилось. Несколько ниже (col. XVIII. 34–40) у Филодема сообщается, что Аркесилай, который, как известно, сам на сократический манер ничего не писал, «исправил» сочинения Крантора или даже (по Диогену Лаэртию, 4.32) «был пойман за исправлением книг, из которых одни опубликовал, а другие сжег».

Col. XVI. 19 и S. 1–37

(Антигон) говорит, что Аркесилай спросил у него (Крантора), когда тот был уже при смерти, желает ли он упокоиться в общей могиле, или какой другой?¹ Он же ответил так: «Найти покой прекрасно среди холмов родимой земли». Когда же Полемон возразил и указал на то, что ему надлежит упокоиться в той гробнице, которая была и для них самих предназначена, то он ответил, что ни в чем ранее не противился ему, и теперь не станет. И хотя он не возглавил школу, тем не менее принес много пользы в общих (делах) ... говорят, что было ... для того, что имелось в наличии.² [Из его учеников] были известны борисфенит Бион, Евмен из Аспендоса, которому принадлежат сочинения о комедии, Еврипил с Коса афинянин Кратет, Аркесилай из Питаны ... с Кипра ...³

1. Крантор умер ок. 290 г. Эта общая гробница, где впоследствии похоронили Полемона и Кратета, упоминается и у Диогена (4.21).

2. Крантор не стал главой школы, однако внес иной вклад в развитие платонизма. Действительно, ему принадлежит популярное впоследствии сочинение *О горе*, известное еще Цицерону (*Академика* 2.135 и др.), а также, что важнее, он мог быть зачинателем жанра комментирования диалогов Платона, столь важного для последующей истории развития платонизма вплоть до периода поздней античности (Диллон 2005, 247–262). В частности, Прокл в своем комментарии к *Тимею* Платона (In Tim. 1.75.30, 76.2) сообщает, что Крантор стремился обосновать включение в диалог рассказа об Атлантиде, а несколько ниже, обсуждая вопрос о сотворении космоса, даже пишет о «комментаторах школы Крантора» (1.227). Крантора в качестве толкователя Платона упоминает также и Плутарх (*О порождении души* в «Тимее» 1012d и др.).

2. Из учеников Кратета, кроме Крантора и Аркесилая, известен лишь «софист» и ниспровергатель философских учений Бион, которому Диоген посвящает отдельную главу (4.46–58).

Col. R. 3–10

... всячески он выделялся им (из числа учеников?) и вызывал удивление не только афинян, но и этолийцев, так как толпа восхищалась не только самим этим мужем, но и порядком его речей, благодаря которым, [по словам Антигона] ...¹

1. Вслед за Гайзером (Gaiser 1988, 532) Доранди (Антигон, фр. 16 Dorandi) считает, что речь здесь могла идти об ученике Ксенократа Адеманте из Этолии (Ἀδείμαντος, col. VIII. 10). Более ничего о нем мы не знаем.

Col. Q. 2–12

... говорят ... он простился с жизнью раньше Полемона в архонтство Филократа. Антигон сообщает, что после смерти Полемона Кратет, который получил от него место для занятий (διατριβήν) и считался достойным возглавить (школу) ... его самого ...¹

1. Таким образом, Крантор преждевременно умер «в архонство Филократа (276/5 гг. до н. э.)», и школу после кончины Полемона в 270/269 гг. возглавил последний схоларх Древней Академии Кратет, который, судя по всему, был избран на эту должность с одобрения ее членов.

СКЕПТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ОТ АРКЕСИЛАЯ ИЗ ПИТАНЫ ДО ФИЛОНА ИЗ ЛАРИСЫ
(ок. 268/64 – ок. 88 гг. до н. э.)

Col. XVII. 1–41, XVIII. 1–7

У Аркесилая¹ было два брата от одной матери и два брата от одного отца. Морей, его брат по отцу, стал его опекуном. Говорят, он (Аркесилай) был недурен собой и охотно этим пользовался. Получив хорошее образование он, будучи уже подростком («эфебом»), тут же обратился к философии, хотя его брат Морей и пытался воспрепятствовать этому по причине [большей престижности] риторики; помощь же он получил от старшего брата по матери ...² следующий ... муз ... именно ему ... подходящий [годом?] ... Академик ... даже [слабейший] ... [восхвалялся Крантором] ... [жившие?] вместе ... либо покинул Теофраста, либо сперва устремил взор в будущее (букв. «прозрел») [так как дела его шли [хорошо] (ἀνέβλεπε [καλῶς] ἔχων).³ После смерти Полемона... а затем и Кратета, он остался сам по себе, так как некий Сократид, в силу преклонного возраста, оставил ему школу невзирая на то, что был избран молодежью (схолархом).⁴

1. С этой колонки начинается биография Аркесилая, ученика Полемона и Крантора, который, возглавив Академию после смерти Кратета в середине 270-х гг., решил возродить забытую сократическую традицию и основал то, что получило название Средней Академии. В целом об Аркесилае, Карнеаде и скептическом повороте в истории Академии см. Bett 1989, 1990 и 2010; Cooper 2004; Schofield 1999; Tarrant 1985. Хронология уточняется по Бикерману (2000), Сычеву (2006) и Dorandi 1999b.

2. Источник этой истории – тот же Антигон из Каристоса (Dorandi 1999a, 19–20). Этим же жизнеописанием Аркесилая, должно быть, пользуется и Диоген Лаэртий (4.28–29), который сообщает, что до своего отъезда в Афины Аркесилай учился математике у Автолика, приехав в Афины, поступил к музыканту Ксанфу, а затем перешел к изучению философии сначала у Теофраста, а затем у Крантора. Отмечает он и то, что его брат Морей хотел, вопреки желанию самого Аркесилая, сделать его ритором. По-видимому, это ему частично удалось, так как все наши античные авторы (в особенности Нумений, фр. 25 des Places) отмечают его выдающиеся риторические способности. Пойти по избранной философской стезе Аркесилаю помог Пилад, его старший брат по материнской линии, который, в результате и был по завещанию назначен наследником его имущества (Диоген Лаэртий 4.28 и 43–44).

3. Строки 15–39 сохранились очень плохо. Детали этой истории мы знаем благодаря Диогену Лаэртию (4.29–32): оставив Ликей Теофраста, Аркесилай в конечном итоге сошелся с академиком Крантором и стал его любовником. Возможно, в этих строках, как в аналогичном месте у Диогена, также упоминались литературные предпочтения Аркесилая (Гомер и Пиндар). Кроме того, Диоген сообщает о еще одном афинском учителе Аркесилая – геометре Гиппонике.

4. Диоген (4.32) сообщает то же самое без каких-либо дополнительных деталей. Создается впечатление, что наши авторы стремятся подчеркнуть сомнительную легитимность как этого события, так и последующей реформы академической философии.

Col. XVIII. 7–40

Поначалу, взяв какой-либо тезис, он рассматривал его в соответствии с той практикой, которая была принята в школе со времен Платона и Спевсиппа вплоть до Полемона. Однако, после (смерти последнего) он изменил род или форму академического спора, высказывая (положения) и опровергая их ... подходя подобающим, согласно ... добавив ... по крайней мере в таком смысле (?) ...¹ Он (Антигон) также утверждает, что он (Аркесилай) обладал (букв. «держал в руках») записи лекций Крантора и что-то изменил в них. Другие говорят, что он сам их написал, а третьи – что он будто бы сжег все, что написал.²

1. Согласно Диогену (4.28 и 32–33), Аркесилай «первым» начал «рассматривать вопросы с двух сторон» и, в случае сомнений, «воздерживаться от суждения», посредством этого нового метода вопросов и ответов внеся в учение, завещанное Платоном, «больше спора». При этом отмечается, что подход этот он во многом возводил к характерному для ранних диалогов Платона сократическому методу, не забывая, впрочем, за образец брать Пиррона и «эретрийскую» диалектику Диодора Крона. Именно поэтому о нем сохранилась такая поэтическая строка: «Ликом Платон, задом Пиррон, Диодор серединой» (Диоген Лаэртий 4.33, Нумений, фр. 25). Разумеется, с его точки зрения и в глазах современников, этот подход мог восприниматься как попытка возрождения исходного учения Платона и освобождение его от излишнего догматизма. У Диодора, к слову сказать, учился и главный противник Аркесилая, основатель стоической школы Зенон Китийский. К сожалению, строки 15–33 данной колонки сохранились очень плохо.

2. У Диогена (4.32) эта фраза превращается в следующую: «...как говорят некоторые, он ничего не писал в силу (принципа) воздержания от суждений, другие говорят, что он либо правил какие-то сочинения, либо сжег их».

Col. XVIII. 41, XIX. 1–41, XX. 1–4, P. 1–28

Доктрины (δόγμα) либо школьного учения (αἵρεσις) он не создал. Поэтому и ученики его отличались друг от друга как школьным учением, так и образом жизни: лишь некоторые из них обратились к сдержанному и умеренному (образу жизни), большинство же (избрали образ жизни) более разгульный и разнузданный. Отстаивали они самые разнообразные школьные учения и мнения (αἱρέσεις τε καὶ γνώμας).¹

Его же собственное суждение (κρίσις) описать трудно, даже в общих чертах. Можно сказать, что больше всего ему нравились те (суждения), которые ... восходят к Платону. Ведь он приобрел еще в молодости его книги ... [нечто] чудесное ... быть ... наблюдать (?) ... Платона ... и ... не ...² но (слова его) улаждали слух и все думали, что произносимые им речи принадлежали ему, так что многие, будучи словно заколдованы его словами, покорялись ему и уступали в споре. Ведь можно видеть неких людей ... Но сам он не утверждал ничего, лишь опровергая учения других школ (τὰς ἄλλας ἐλέγχων αἱρέσεις) ... влияние (?) ... времена ... после него ... каждого ... учения ... Академии ... о ... занятии философией ... и предлагал угощение (ἐσώματοποίε[ι]) у себя дома. Разговаривать с ним было трудно, так как он задавал едкие вопросы, насмешку перемежая с благосклонностью ... быть редкими ... сам воздерживался от записей, возражая лишь против чужих речений ...³

1. Список учеников Аркесилая см. ниже. Диоген отмечает, что и сам Аркесилай очень любил роскошь, званые обеды, празднества, гетер, юношей, и умер в возрасте 75 лет, выпив слишком много неразбавленного вина. Доход он получал со своего имения в Питане и от различных меценатов. Кроме того, он был известен своей щедростью (4.38–41).

2. Диоген Лаэртий (4.33) также сообщает, что Аркесилай имел у себя книги Платона. Означает ли это, как полагают некоторые современные авторы, что во времена Аркесилая ранние сочинения Платона отсутствовали даже в библиотеке Академии? Или же речь идет о ранних годах Аркесилая, его философском обращении к платонизму, которое случилось после прочтения «удивительных» диалогов Платона?

3. Особенно подробно ораторские способности Аркесилая описывает Нумений, равно как и его технику «воздержания от суждения» (фр. 25). Диоген Лаэртий (4.36) сообщает, что, сказав по какому-либо поводу «Я утверждаю...», – он тут же добавлял: «Но такой-то (философ) с этим не согласен». И этот способ рассуждения переняли его ученики. В полном соответствии с Филодемом, далее Диоген (4.37–40) отмечает, что, хотя Аркесилай был яростным спорщиком, ученики и слушатели это охотно терпели, потому что он был добрым и отзывчивым человеком, всегда готовым прийти на помощь. Здесь же сообщается, что почти все свое время Аркесилай проводил в Академии, удалившись от общественных дел. Диоген упоминает, правда, о его участии в посольстве к македонскому царю Антигону II Гонату (320–239 гг. до н. э.) по поручению граждан его родного города Питаны (4.39).

Col. XX. 5–44

И хотя он воспитал многих учеников, из них известны лишь Аридик Родосский, Дорофей Телфусский, Дионисий и Зопир из Колофона, Телекл из Метапонта, до этого бывший учеником Полемона ... и ... эфесцы ... ученики ... Эпидамн, Аполлоний и Демосфен из Мегалополя, <...> изменивший его (Аркесилая) позицию и в качестве цели (человеческой жизни) принявший наслаждение, Дорофей [Амисинец], Лакид из Кирены, а также Пифодор, записавший его речи ...¹

1. Аридик упоминается в качестве ученика Аркесилая Афинеем (*Пирующие софисты* 10, 420d). Телекл (и Евандр), однако родом из Фокеи, упоминаются в кол. XXVII (ниже) в качестве учеников преемника Аркесилая Лакида. Исследователи полагают, что неизвестным гедонистом мог быть ученик Зенона Китийского Дионисий Гераклеяский «Отступник», упоминаемый Филодемом в его истории стоической философии (Index Stoic. XXIX. 5–6; Dorandi 1987, 123, см. также Афинея, *Пирующие софисты* 7, 281d–e, 10, 437e). Остальные имена более нигде не встречаются.

Col. XXI. 1–42

... некоторые говорят, что сначала он (Лакид) был настолько беден, что [упал?]... в гимназии, подобно бесчувственному телу [от голода] ...¹ (сообщают, что) он «остановил» Среднюю Академию, до этого скитавшуюся не хуже скифов, основав школу, сочетающую в себе оба (направления?), что и позволило ей называться Новой (Академией) и ...²

1. Диоген Лаэртий (4.59) и, особенно, Нумений (фр. 26) передают истории о чрезмерной бережливости Лакида, должно быть, следствии тяжелого детства.

2. Это утверждение довольно примечательно и находит соответствие у Диогена (4.59–60), который не только говорит, что Лакид обновил академическую философию, но и нашел для нее новое место – сад, обустроенный царем Атталом и получивший с тех пор название «Лакидов». Остается только сожалеть, что сведения об этом событии столь фрагментарны. Как бы там ни было, нижеследующие подробные списки учеников показывают, что школа при Лакиде

процветала. Примечательно также, что он на каком-то этапе, вероятно, ок. 216/5 гг., сам отказался от руководства Академией, передав попечение о ней Телеклу и Евандру из Фокеи (Диоген Лаэртий 4.60), от которых, при посредстве некоего Гегесина Пергамского, руководство в 167/8 гг. перешло Карнеаду Старшему (ниже).

Col. O. 13–35

Аттал ... выказывал уважение ... среди его знакомых (были) цари [Евмен] и Аттал Азиат.¹ Аполлоний умер в архонтство Эпенета (159/8 или 154/3), его брат Евбул – в архонтство Аристофона (142/1 гг. до н. э.), который был после Теэтета, а Евбул из Эфеса и [Евбул] из Эритреи – в архонтство Александра (174/3 гг. до н. э.). В списке упомянуто четыре ученика по имени Аристон, один из которых был из Эфеса, другой из Малла, третий из Карфагена, а четвертый ... так случилось, что оба ученика по имени Евбул скончались в архонтство Александра.² Аполлоний, ученик Телекла, оставивший записи его лекций ...³

1. Диоген Лаэртий (4.60) также отмечает связь Лакида с пергамским царем Атталом I (269–197 гг. до н. э.), должно быть, оказавшим существенную поддержку Академии.

2. В этой и следующих колонках приводятся несколько списков учеников Лакида, не всегда совпадающих и извлеченных Филодемом из различных источников (одним из которых, скорее всего, была стихотворная *Хронология* Аполлодора Афинского). К сожалению, большая часть имен ничего нам не говорит. Список частично повторяется и продолжается в кол. XXVII (ниже).

3. В нижеследующих списках примечательно регулярное указание на ученические записи лекций учителя. Так как ни один из схолархов скептической Академии ничего не писал, подобные записи, должно быть, играли роль опубликованных произведений. Эта традиция продолжилась и далее. Например, речи Карнеада записывал его преемник Клитоммах (Диоген Лаэртий 4.67).

Col. N. 2–25

... его преемник ... присвоил его ... Поэтому, умирая, он не оставил школу ни ему, ни кому-либо еще, так как не считал, как они сообщают, что [подобный способ управления школой] вообще необходим ... Он оставил следующих учеников: Аполлодора, Клеокрита, Аристона, Аристагора Саламинского, Терина Александрийского, чьим учеником стал Дион Фракийский, у которого (в свою очередь) учились Дионисодор Смирнский, Леонтих Киренский, Сократ ... записи лекций ... [записанных] ... Евандром ... но он ...

Col. M. 10–29

... преемниками он (Лакид), умирая, оставил Леонтея, Демона Киренского, Деметрия и Полита Фокийских, двух учеников по имени Евбул, один из которых был сыном Антенора и происходил из Эритреи, а другой был сыном Каликрата и был родом из Эфеса, а также [Мосхиона Маллосского], Агаместора ... [Телекла и Евфориона] ... немного ... вместе ... что же касается Гегесина ...¹

1. Большинство имен более никем не упоминаются. Евандра в качестве преемника Лакида упоминает Нумений (фр. 26). Диоген пишет, что Лакид оставил школу Телеклу и Евандру (4.60), причем у преемника Евандра Гегесина Пергамского учился Карнеад Старший (ср. Нумений, фр. 27, Цицерон, *Академика* 2.16). В целом, оговорка о том, что Лакид сам не желал никого видеть своим преемником и вообще не считал, что школа должна управляться таким образом, по-

видимому, объясняет столь существенное расхождение в различных списках диадохов между Лакидом и Карнеадом.

Col. XXII. 3–43, XXIII. 1–49, XXIV. 1–16

... отделен от ... соединен с ... и все ... древним ... но другие ... лекции ... продолжил ... В списке содержатся такие имена его (Карнеада) учеников: Зенон Александрийский, записавший его лекции, но умерший раньше него, – и говорят, что, когда эти записи были прочитаны, Карнеад опроверг его при всех и очень грубо, – Зенодор Тирский, глава александрийской школы, Агнон из Тарса, который также с одобрения (Карнеада) записал его лекции и заслужил похвалу (учителя), Агатокл Тирский, многим трудам которого подражал Хармад, Антипатр Александрийский, Гиппарх Иллийский, Гиппарх с Пафоса, Олимпик из Газы, Аристанакс [Саламинский], Битон, Ясон Афинский, Ясон [Паросский], Мелантий, Аристодор, Дион, Метродор Апамейский ... стоические ... Евклид, Серапион, Диоген, Геродот и Стратипп из Никомедии, Батак Никейский, Евпейт с Пафоса, Критолай с Амисоса, Диомедон из Тарса, Памфилий из Меандра в Магнесии, Аполлоний из Барка, Никострат из Александрии, Боэций Паросский, Ментор Никейский, Битон из Сол, Деметрий Тиатирский, другой Деметрий Александрийский, Диопит Иллийский, Асклепиад из сирийской Апамеи, Дион и Олимпиодор из Газы, Гиппарх из Сол, Сосикрат Александрийский, [Зенодот] Кипрский, Метродор [Стратоникейский], который ранее слушал многочисленные речи эпикурейцев и Аполлодора, однако, будучи опровергнут Аполлодором, последовал за Карнеадом и [учился у него] ...¹

1. Этот фрагментированный текст содержит список учеников Карнеада Старшего, возглавлявшего Академию до 137/6 г. до н. э. О самом Карнеаде мы, к сожалению, из Филодема ничего не узнаем. Агнона из Тарса Цицерон (*Академика* 2.16) называет не менее талантливым, чем будущий схолярх Клитомах. Ментора (Вифинского) упоминает Диоген (4.63) со ссылкой на «Разнообразные повествования» Фаворина в качестве ученика, сошедшегося с наложницей своего учителя. Метродор Стратоникейский упоминается ниже (кол. XXVI). Согласно *Хронологии* Аполлодора (DL 4.64) сам Карнеад скончался в возрасте 85 лет на 4-м году 162 олимп. (129/8 до н. э.). Очевидно, он еще при жизни оставил школу Карнеаду Младшему, о котором идет речь в следующем отрывке. Этот последний был схолярхом с 137 по 131 гг., однако умер несколькими годами ранее своего предшественника.

Col. XXIV. 27–37

... прожил ... (Карнеад) [сын Полемарха] умер, а вслед за ним Кратет из Тарса, который руководил школой всего два года. Именно тогда Клитомах со своими многочисленными сторонниками захватил (ἐπέβαλεν) Академию, – ведь до этого времени они проводили занятия на Палладие (ἐπὶ Παλλადίῳ), – и все это после смерти Карнеада.¹

1. Строки 17–27 кол. XXIV утрачены полностью. Возможно, там содержалось продолжение этого примечательного списка учеников Карнеада Старшего, равно как и какие-то сведения о самом Карнеаде. Колонка начинается с упоминания Карнеада Младшего (сына Полемарха, тогда как старший Карнеад, согласно Диогену (4.62), был сыном Эпикома или Филокома из Кирены). Эта сложная перипетия не известна ни Цицерону (*Академика* 2.16), ни Диогену (4.67), которые преемником Карнеада Старшего сразу называют Клитомаха Карфагенского, минуя даже краткий период, когда школой управлял Кратет из Тарса (131/0 – 127/6 гг. до н. э.). Примечательно, что сторонники Клитомаха первоначально преподавали на Палладие, расположенном в центре Афин (Павсаний, *Описание Эллады* 1.28.9), и лишь затем переместились в Академию, возможно,

не без сопротивления со стороны других ее членов, на что указывает словоупотребление Филодема.

Col. XXV. 1–23

На самом деле его (Клиতোмаха) звали Гасдрубалом и в Афины он прибыл в возрасте двадцати пяти лет. Через четыре года он начал слушать лекции Карнеада и, проучившись у него девятнадцать лет, основал в архонтство Гагнотея (140/39 гг. до н. э.) на Палладие свою школу, которую затем возглавлял в течение десяти лет. Школу Карнеада он получил от Кратета Тарсийского в архонство Ликиска (129/128 гг. до н. э.) и, будучи ее главой в течение девятнадцати лет, умер в архонство Поликлета (110/9 гг. до н. э.). Некоторые говорят, что он умер в возрасте более семидесяти лет ... Хармад ... позже ...¹

1. Биография Клиতোмаха излагается также Диогеном Лаэртием (4.67), причем его версия отличается некоторыми деталями. В частности, он сообщает, что Клитомах прибыл в Афины лишь в возрасте сорока лет, что должно было, видимо, заполнить пробелы в альтернативной хронологии. Согласно данной версии он основал свою школу на Палладие в 140/139 гг., наследовал Кратету в 129/128 гг. и умер в 110/109 гг. до н. э. Сразу же за этой биографией Клиতোмаха Филодем переходит к альтернативной версии, которая, к сожалению, не сохранилась (строки 17–33).

Col. XXV. 35–44, XXVI. 1–44

... (Карнеад) сын Полемарха ... обучаясь ... наследовал Карнеаду при жизни и управлял школой шесть лет. Он умер в архонтство Эпикла (131/130 гг. до н. э.) и преемником оставил своего соученика Кратета, который был родом из Тарса и управлял школой четыре года.¹ Метродор Стратоникейский, хотя отличался великими достижениями и в жизни, и в речах, не производил впечатление столь же одаренного человека; именно он настаивал на том, что Карнеада все они поняли неправильно, поскольку сам не считал, что все непостижимо (*ἀκατάληπτα πάντα*) ... все вообще ... пытаться ... Он (Боэт) [был некоторое время учеником Евбула] и, зачастую превосходя как Автолика и его приверженцев, так и Аминта, сделавшись главой школы, все же не ладил с Дионисием, мужем проникательным и велеречивым. Сам он умер через десять лет после Карнеада, в месяц таргелион, когда архонтом нашего² города был Евмах.

1. См. выше, где говорится о том, что он управлял школой лишь два года. Очевидно, Филодем использует здесь альтернативную историю тех же событий, которая в значительных деталях повторяется далее.

3. 121/121 гг. Филодем буквально цитирует афинского автора (*Хронологию* Аполлодора).

Col. XXVII. 1–23

... через восемнадцать лет он (Лакид) передал школу и, прожив еще восемнадцать лет, умер в архонтство Каллистрата. Другие, впрочем, говорят, что случилось это в архонство Пантиада, ведь последние десять лет своей жизни он оставил все дела из-за болезни. Помощниками ему были Пасей и Трас, третьим – Аристипп и, кроме того, два наиболее известных ученика, Телекл и Евандр ... (которым?) предстояло управлять ... Евандр ... дома ...¹

1. Хронология Аполлодора несколько отличается от неизвестного источника, которым пользуется Диоген (4.61). Согласно последнему, Лакид возглавлял школу 26 лет, начиная с четвертого года 134 олимпиады, то есть был схолархом с 241/2 г., а умер в 215 г. до н. э. По

информации Аполлодора он умер в 208/9 или 207/6 гг. (при Каллистрате или Пантиаде). Сообщение Диогена о том, что он передал школу своим ученикам еще при жизни, здесь находит подтверждение.

Col. XXVII. 32–41, XXVIII. 1–16, 34–41, XXIX. 1–16, 39–44, XXX. 1–13

... Агаместор был все еще известен, а также двое по имени Евбул, и еще Мосхион ... проживший ... лет ... умер в архонтство Евполема (185/4 гг. до н. э.) из-за болезни. Следом за ними ушли Евбул Эритрейский, чьим отцом был Антенор, и архонтом тогда был Александр (174/3 гг.). Следом, через несколько месяцев, умер Евбул, сын Калликрата, родом из Эфеса. Агаместор же из Аркадии, сын Поликсена, после поражения Персея (у Пидны), протиснулся к жизни при архонте Ксенокле (168/7 гг.), Телекл же умер в архонство Никосфена (167/8 гг.). Аполлоний, ученик Телекла, умер при архонте Эпенете (154/3 гг.), а после Теэтета (143/2 гг.) умер опекун юного Евбула от болезни ... «чужое взявший, лежи теперь и молчи», – ведь всякому разнузданному человеку всегда есть что сказать. В то же время, что и Карнеад, жил Боэт Марафонский, сын Гермагора. Он обладал всеми необходимыми талантами, весьма философским умом, но был слабым оратором. Он был учеником Аристона и, на короткое время, – Евбула Эфесского. Зачастую превосходя как Автолика и его приверженцев, так и Аминта, сделавшись главой школы, он все же не ладил с Дионисием, мужем проницательным и велеречивым. Сам он умер через десять лет после Карнеада, в месяц таргелион, когда архонтом нашего города был Евмах (120/119 гг. до н. э.) ... так как Карнеад был стар, он захватил освободившееся место и оставался главой школы шесть лет. Кратет из Тарса стал преемником Карнеада, сына Полемарха, который умер в архонство Эпикла (131/0 гг.). Он управлял школой всего два года. Именно тогда Клитомех со своими многочисленными сторонниками захватил (ἐπέβαλεν) Академию, – ведь до этого времени они читали лекции на Палладие (ἐπὶ Παλλὰδῳ) ...¹

1. Стр. 18–32 кол. XXVII, стр. 18–33 кол. XXVIII, стр. 18–38 кол. XXIX и все строки после 13-й в кол. XXX утрачены полностью. Сохранившийся текст представляет собой фрагментарный список учеников Лакида и, затем, Карнеада. И хотя их количество показывает растущую популярность школы в Афинах и за ее пределами, большинство имен нам ничего не говорит. Текст в этих колонках частично дублируется, что еще раз показывает незаконченный характер этого сочинения Филодема.

Col. XXXI. 1–44, XXXII. 1–43, XXXIII. 1

Однажды он (Клитомех?) плывал с посольством в Рим и получил возможность там выступить с речью. Вам, конечно, известно, что Мелантий как-то был увенчан венком за написанную им трагедию и что, хотя он долгое время учился у Аристарха и еще больше в Афинах, но, не имея школы, впал в великую нужду ... Карнеад ...¹ [знаменитые мужи.] Сначала он (Хармад) отплыл в Аттику в архонство Аристофанта (153/2 гг.), в возрасте двадцати двух лет. Затем, проучившись у Карнеада семь лет, отправился в Азию. Преуспев там и сделавшись, как кажется, самым красноречивым оратором своего времени, он вернулся в Афины. Находясь здесь, он всячески демонстрировал свою способность убеждать толпу и, будучи одарен прекрасной памятью и став популярным писателем, с легкостью получил и афинское гражданство, и школу в гимнасии Птолемея, хотя и юноши, там занимающиеся² ... место для занятий (ἐξέδρα) ... ученики Карнеада были ... но не имевшие школы в городе, Антипатр и Зенодор, один из которых ... Александрия ...² Евклид и [Сарапион], и Диоген, и Геродот, и Стратипп из Никомедии, Батак из Nikeи, Евпит с Пафоса, Критолай из Амисоса и Диомедон из Тарса, Памфил из Меандра в Магнезии, Аполлоний из Барки, Никострат Александрийский, Боэт Паросский ... жил в согласии со (своими) речами.⁴

1. Строки с 13 по 32 утрачены.

2. О Хармаде, его красноречии и выдающейся памяти, пишут Цицерон (*Об ораторе* 1.84–93), Квинтилиан (*Наставления оратору* 11.2.26) и Плиний (*Естественная история* 7.89). Примечательно, что в том же гимнасии впоследствии преподавал «восстановивший» Древнюю Академию Антиох Аскалонский (Цицерон, *О пределах добра и зла* 5.1). О гимнасии см. Павсаний, *Описание Эллады* 1.17.2.

3. Предложение сохранилось фрагментарно. Возможно, имеется в виду, что, не имея места для занятий (букв. свободной «экседры», крытой галерей с сиденьями), эти ученики Карнеада вынуждены были покинуть Афины и уехать в Александрию. Следующие за этим предложением десять строк (с 22 по 32) утрачены полностью.

4. Из-за пропуска, мы не знаем, к кому относится последняя фраза. Доранди (Dorandi 1991, 77) полагает, что это может быть упомянутый ранее (кол. XXVI) Метродор Стратоникейский.

Col. XXXIII. 1–19

Филон,¹ преемник Клитомаха, родился в архонтство Аристема (158/7 гг. до н. э.), в Афины прибыл в архонство Никомаха (134/3 гг. до н. э.) в возрасте двадцати четырех лет, после того, как почти восемь лет обучался у себя дома у Калликла, ученика Карнеада. У Клитомаха же он учился четырнадцать лет, [два года] у Аполлодора и еще семь у [Мнесарха] стоика² ... Школу он возглавил в архонтство Поликлета (110/9 гг. н. э.) и ... прожив шестьдесят три года, умер в архонство Никета (84/3 гг. до н. э.) ... в Италии в третий ...³

1. Филон из Ларисы стал последним официальным главой Академии Платона. Подробнее о нем см. Brittain 2001.

2. Исследователи идентифицируют этого стоика с Мнесархом, которого Цицерон (*Академика* 2.69) называет главой стоической школы и у которого, как видно из нижеследующего, учился и Антиох Аскалонский (Puglia 1998 и 2000).

3. Филон вынужден был покинуть Афины за несколько лет до своей смерти и бежать в Рим, из-за Митридадской войны, либо во время тирании Аристона (88–86 гг. до н. э.), либо после захвата города Суллой в 86 г. до н. э. Данные о его возрасте противоречивы. Известно, что в Риме его слушал Цицерон (*Брут* 306).

Col. XXXIV. 1–16

... кратко изложив ... его школу ... Мекий (Μαίχιος) в наше время прибывший из Александрии, захватил (διαχαιτεῖν) школу, невзирая на сопротивление тех (философов), которые были из Афин. Его учениками были Иол из Сард, Менеkrat из Митилен, до недавнего времени живший в Сицилии, Мнасей из Тира и ... из Акраганта, Мелантий, сын Эсхина, и Лисимах, до этого бывший любителем речей, и Гераклит, участвующий ...¹

1. На этом список учеников «преемника» Филона заканчивается и, через несколько утраченных строк (стр. 16–21), начинается биография Антиоха Аскалонского. Странным образом, о «последнем академике» Мекие более никто ничего не сообщает, однако с его учеником Гераклитом в Александрии спорил Антиох Аскалонский (Цицерон, *Академика* 2.11). Правда, Цицерон называет его учеником Клитомаха и Филона. О предмете этого примечательного спора см. ниже. Филодем вновь подчеркивает, что он был современником описываемых событий.

Col. XXXIV. 22–44, XXXV. 1–18, 33–44, XXXVI. 1–20

... учившийся у [Мнесарха] стоика, он (Антиох) на протяжении своей жизни часто участвовал в посольствах, направляемых от имени Афин, как в Рим, так и к полководцам в провинции, пока, наконец, не умер в Месопотамии, находясь на службе у Луция Лукулла,¹ обожаемый многими, в том числе и мной, и выказывавший мне свое уважение. Школу (διδασκαλίαν) после него принял его брат и ученик Аристон. Оставаясь занятым человеком, он имел сравнительно много слушателей, включая наших спутников Аристона и Диона Александрийского, и Кратиппа Пергамского, из которых Аристон и Кратипп, прослушав лекции Ксенарха, сделались горячими сторонниками перипатетической школы,² тогда как Дион сохранил верность Древней Академии. Благодаря ему многие, прежде всего ... [отбывшие] в Александрию ... Метродор из Питаны, слушавший Метродора Стратоникейского. Хардама же ... из блуждающих многие ... утверждают, что у него учились, что же касается Диодора, заслужившего имя тирана, то, как мне кажется, свершенное им для [Митридада] уважения не заслуживает.³ Аполлотор Тианский ... [прозванный] ... и Гелиодор Маллот и Фанострат Тралльский, знаменитый тем, как он воодушевлял толпу. Говорят, что Аполлоний некоторое время был с Карнеадом. Учеником же Метродора Стратоникейского, среди прочих, был и Метродор Кизикийский ... учеников Евклида, учеников Платона и, кроме того, других школ и диадокхов ...⁴

1. Это сообщение Антиоха подробно анализирует Puglia 1998 и 2000. Об Антиохе и Лукулле пишет Цицерон (*Академика* 2.4, 11–12, 61) и Плутарх (*Жизнь Лукулла* 42.2–4). Из текста Цицерона можно заключить, что с Лукуллом он встретился еще в 87 г. до н. э. в Александрии. От него же мы узнаем, что с Лукуллом были связаны брат Антиоха Аристон, и его ученик Дион. Согласно Плутарху, Антиох лично видел битву при Тигранакерте 69 г. до н. э., решившую исход Митридадской войны. Цицерон слышал его лекции в гимназии Птолемея в Афинах в 79 г. до н. э., из чего можно заключить, что радикальный разрыв между схолархом Академии Филоном и Антиохом, основавшим собственную школу, состоялся еще ранее.

2. По свидетельству Цицерона Дион Александрийский был убит во время посольства в Рим в 57 г. до н. э. Возможно, его учеником был неопифагореец Евдор Александрийский. Интерес Аристона и Кратиппа к перипатетическому учению может быть связан с обнаружением и публикацией Аппеликоном рукописного наследия Аристотеля (Страбон, *География* 13.1.54). Кратиппа в качестве перипатетика упоминает Цицерон (*Об обязанностях* 2.8, 3.5), Аристон же, согласно Симпликию, в числе первых комментировал *Категории* (Симпликий, *Комментарий к Категориям* Аристотеля 159.31–32).

3. Эту неблагоприятную историю рассказывает Страбон (*География* 13.1.66). По его словам, военачальник времен Митридадской войны по имени Диодор, считавший себя философом академиком, велел казнить членов городского совета малоазийского города Адрамиттия для того, чтобы угодить царю.

4. Согласно Цицерону (*Академика* 2.11–12), находясь в 87/86 гг. в Александрии при Лукулле (тогда занятом строительством флота) Антиох ознакомился с книгами Филона, которые привели его в ярость и заставили сочинить диалог, названный по имени стоика Соза (Sosus), вероятно, его бывшего учителя. Каково содержание этого диалога? Очевидно, как свидетельствует тот же Цицерон (*Академика* 1.13), Филон настаивал на единстве академической традиции, отрицая существование двух Академий. Именно против этого выступил Антиох, стремясь вернуть платоническую философию в русло догматизма и сблизить ее с учением перипатетиков, с одной стороны, и со стоицизмом, с другой: «Ученики Платона Спевсипп, Аристотель и Ксенократ

разработали его учение настолько детально, что Зенону [Китийскому], после того как он стал учеником Полемона, незачем было слишком отклоняться от учения своего наставника и его предшественников» (Цицерон, *О пределах добра и зла* 4.3). Подробнее см. Gucker 1978; Tarrant 1985, 89–102; Dillon 1996, 52–113 (Диллон 2002, 62–117); Bonazzi 2012 и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ Схолархи эллинистических школ

<i>Годы до н. э.</i>	<i>Академия</i>	<i>Лицей</i>	<i>Стоя</i>	<i>Сад Эпикура</i>
ок. 387/7–348/7	Платон			
348/7–339/8	Спевсипп			
335/4–322/1		Аристотель		
339/8–314/13	Ксенократ			
322/1–287/6		Теофраст		
? – 262/1			Зенон	
314/13–270/69	Полемон			
307/6–271/70				Эпикур
288/7–270/69		Стратон		
ок. 271–250				Гермарх
270/69–268/64	Кратет			
ок. 270–225		Ликон		
268/64–241/0	Аркесилай			
262/1–230/29			Клеарх	
ок. 250–до 220				Полистрат
241/0–206/4	Лакид			
230/29–208/4			Хрисипп	
226/5–225/4		Аристон		
206/4–167/6	Телекл и Евандр, Гегесин			
до 220/19–201/0				Дионисий
208/5–?			Зенон из Тарса	
201/0 или 175				Василид
ок. 175–?				Теспид (?)
? – 150/140			Диоген	
167/6–137/6	Карнеад Ст.			
? – ок. 100				Аполлодор
ок. 155		Критолай		
150/40–129/8			Антипатр	
137/6–131/0	Карнеад Мл.			
131/0–127/6	Кратет из Тарса			
129/8–110/9			Панетий	
? – 110		Диодор с Тира		
129/8–110/9	Клиتماх			
110/9–84/3	Филон			
ок. 100–75				Зенон Сидонский
ок. 75–70				Федр

(Таблица базируется на работе Dorandi 1999b, 31–34).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Афонасин, Е. В. (2017) «Лекарство для припоминания. Перипатетическое конструирование интеллектуальной истории Греции. Дикеарх и философская биография», *ΣΧΟΛΗ (Scholē)* 11.1, 271–282.
- Афонасин, Е. В. (2020) *Гераклid Понтийский. Фрагменты и свидетельства*. Санкт-Петербург.
- Афонасина, А. С. (2019) «Место философской школы в античном городе: Академия Платона и Дом Прокла в Афинах», *ПРАЗНМА (Praxema)* 21, 27–42.
- Бикерман, Э. (2000) *Хронология Древнего мира: Ближний Восток и античность*. Перевод с английского И. М. Стеблин-Каменского. Сретенск.
- Гараджа, А. (2019) «Аристоксен Тарентский о Сократе и Платоне», *Платоновские исследования* 10.1, 197–208.
- Диллон, Дж. (2002) *Средние платоники*. Пер. Е. В. Афонасина. Санкт-Петербург.
- Диллон, Дж. (2005) *Наследники Платона*. Пер. Е. В. Афонасина. Санкт-Петербург.
- Петрова, М. С., ред. (2017) *Аристотель. Идеи и интерпретации*. Москва.
- Столяров, А. А., пер. (1998–2008) *Фрагменты ранних стоиков*, т. 1–3. Москва.
- Сычев, Н. В. (2008) *Книга династий*. Москва.
- Щетников, А. И., пер. (2013) *Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида*. Москва.
- Algra, K. (1997) “Chrysippus, Carneades, Cicero: the ethical divisiones in Cicero’s *Lucullus*,” in B. Inwood & J. Mansfeld (1997) *Assent and Argument: Studies in Cicero’s Academic Books*. Leiden, 107–139.
- Algra, K., Barnes, J., Mansfeld, J. and Schofield, M., eds. (1999) *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*. Cambridge.
- Bett, R. (1989) “Carneades’ Pithanon: A reappraisal of its Role and Status,” *Oxford Studies in Ancient Philosophy* 7, 59–94.
- Bett, R. (1990) “Carneades’ Distinction between Assent and Approval,” *Monist* 73, 3–20.
- Bett, R., ed. (2010) *The Cambridge Companion to Ancient Scepticism*. Cambridge.
- Bintliff, J. (2012) *The Complete Archeology of Greece*. Chichester: Wiley-Blackwell.
- Bonazzi, M. (2012) “Antiochus and Platonism,” in D. Sedley, ed. *The Philosophy of Antiochus*. Cambridge, 307–33.
- Bonazzi, M., J. Opsomer, eds. (2013) *The Origins of the Platonic System: Platonisms of the Early Empire and their Philosophical Contexts*. Leuven.
- Brittain, C. (2001) *Philo of Larissa: The Last of the Academic Sceptics*. Oxford: Oxford.
- Cooper, J. (2004) “Arcesilaus: Socratic and Sceptic,” in J. Cooper. *Knowledge, Nature, and the Good*. Princeton, 81–103.
- Costa, V. (2007) *Filocolo di Atene*. vol. I: I frammenti dell’Atthis. Roma.
- Dillon, J. (1984) “Speusippus in Iamblichus,” *Phronesis* 29, 325–32 (repr. in Dillon 1991).
- Dillon, J. (1986) “Xenocrates’ Metaphysics: Fr. 15 (Heinze) Re-examined,” *Ancient Philosophy* 5, 47–52 (repr. in Dillon 1991).
- Dillon, J. (1991) *The Golden Chain. Studies in the Development of Platonism and Christianity*. Aldershot.
- Dillon, J. (1996²) *The Middle Platonists*. London.
- Dillon, J. (2003) *The Heirs of Plato: A Study of the Old Academy (347–274 BC)*. Oxford.
- Dillon, J. (2012) “Aristoxenus’ Life of Plato”, in C. A. Huffman, ed., *Aristoxenus of Tarentum: Discussion*. New Brunswick / London, 283–96.

- Dorandi, T. (1987) "Filodemo e l'Accademia nuova (PHerc 1021, XVIII–XXVI)," *Cronache Ercolanesi* 17, 119–34.
- Dorandi, T. (1991) *Filodemo, Storia dei filosofi: Platone e l'Accademia*. Naples.
- Dorandi, T., ed. (1999a) *Antigone de Caryste. Fragments*. Paris.
- Dorandi, T. (1999b) "Organization and structure of the philosophical schools," in K. Algra, J. Barnes, J. Mansfeld & M. Schofield, eds. *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*. Cambridge, 55–62.
- Dorandi, T., ed. (2013) *Diogenes Laertius. Lives of Eminent Philosophers*. Cambridge.
- Dorandi, T. (1982) *La «Cronologia» di Apollodoro nel PHerc. 1021*. Naples.
- Gaiser, K., hrsg. (1988) *Philodemos Academica. Die Berichte über Platon und die Alte Akademie in zwei Herculaneischen Papyri. Supplementum Platonicum 1*. Stuttgart.
- Gigante, M., ed. (1977) *Polemonis Academici fragmenta*. Napoli.
- Glucker, J. (1978) *Antiochus and the Late Academy, Hypomnemata* 56. Göttingen.
- Haake, M. (2020) "The Academy in Athenian politics and society – between disintegration and integration: the first fifty years (387/6 – 306/5)," Kalligas, P., Balla, Ch., et al., eds. *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge, 65–88.
- Hankinson, R.J. (1995) *The Sceptics*. London.
- Isnardi-Parente, M., ed. (1982) *Senocrate – Ermodoro: frammenti*. Napoli.
- Isnardi-Parente, M., ed. (2007) *Speusippo: frammenti*. Napoli.
- Kalligas, P., Tsouna, V. (2020) "Philodemus' History of Philosophers," in Kalligas, P., Balla, Ch., et al. (eds.) *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge, 276–383.
- Kingsley, P. (1995) "Meetings with Magi. Iranian Themes among the Greeks, from Xanthus of Lydia to Plato's Academy," *Journal of the Royal Asiatic Society* 5, pp. 173–209.
- Lasserre, F. (1966) *Die Fragmente des Eudoxos von Knidos*. Berlin.
- Long, A. A. (1974) *Hellenistic Philosophy*. Berkeley.
- Long, A. A., Sedley D., eds. (1987) *The Hellenistic Philosophers*, 2 vols. Cambridge.
- Lygori-Tolia, E. (2020) "The gymnasium of the Academy and the School of Plato," Kalligas, P., Balla, Ch., et al., eds. *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge, pp. 46–64.
- Lynch, J. P. (1972) *Aristotle's School: A Study of a Greek Educational Institution*. Berkeley.
- Marchiandi, D. (2020) "In the shadow of Athena Polias: the divinities of the Academy, the training of *politai* and death in service to Athens," Kalligas, P., Balla, Ch., et al., eds. *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge, pp. 11–27.
- Merlan, P. (1960) *From Platonism to Neoplatonism*. The Hague.
- Mette, H. J. (1984) "Zwei Akademiker heute: Krantor und Arkesilaos," *Lustrum* 26, 7–94.
- Mette, H. J. (1985) "Weitere Akademiker heute: von Lakydes bis Kleitomachos," *Lustrum* 27, 39–148.
- Millar F. (1969) "P. Herennius Dexippus: The Greek World and the Third-Century Invasions," *Journal of Roman Studies* 59, 12–29.
- Mirhady, D. (2001) "Dicaearchus of Messana: The Sources, Text and Translation", in Fortenbaugh, W., Schütrumpf, E., eds. *Dicaearchus of Messana: Text, Translation, and Discussion*. New Brunswick, NJ / London, 1–142.
- Morrow, G., transl. (1970) *Proclus. A Commentary on the First Book of Euclid's Elements*. Princeton.
- Nails, D. (2002) *The People of Plato: A Prosopography of Plato and other Socratics*. Indianapolis.
- O'Meara, D. (2017) *Cosmology and Politics in Plato's Later Works*. Cambridge.
- Panayiotopoulos, M., Chatziefthiminou, T. (2020) "Observations on the topography of Ancient Academia," Kalligas, P., Balla, Ch., et al., eds. *Plato's Academy. Its Working and Its History*. Cambridge, 28–45.
- Pfeiffer, P. (1968) *History of classical scholarship from the beginnings to the end of Hellenistic Age*. Oxford, 252–266.

- Puglia, E. (1998) "Filodemo da Alessandria ad Atene (a proposito di PHerc 1021 XXXIV 1–8)," *Papyrologica Lupiensia* 7, 131–42.
- Puglia, E. (2000) "Le biografie di Filone e Antioco nella 'Storia dell'Accademia' di Filodemo," *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 130, 17–28.
- Schofield, M. (1999) "Academic Epistemology," in Algra, K., Barnes, J., Mansfeld, J. and Schofield, M., eds. (1999) *The Cambridge History of Hellenistic Philosophy*. Cambridge.
- Schütrumpf, E., ed. Stork, P., van Ophuijsen, J., Prince, S., eds., trs. (2008) *Heraclides of Pontus. Texts and translations*. New Brunswick, N.J.
- Sedley, D. (2002) "Zeno's Definition of Kataleptike Phantasia," in T. Scaltsas, A. Mason, eds. *The Philosophy of Zeno*. Larnaca, 133–54.
- Sedley, D. (2020) "Carneades theological arguments," in P. Kalligas, C. Balla, E. Baziotoulou, V. Karasmanis, eds. *Plato's Academy: Its workings and its history*. Cambridge, 220–41.
- Speyer, A. (2001) "The earliest bust of Socrates? New observations to Philochorus in PHerc. 1021 col. 2," *Cronache Ercolanesi* 31, 81–95.
- Tarrant, H. (1985) *Scepticism or Platonism? The Philosophy of the Fourth Academy*. Cambridge.
- Thorsrud, H. (2010) "Arcesilaus and Carneades," in Bett 2010.
- von Thüngen, S. F. (1994) *Die frei stehende griechische Exedra*. Mainz, Zabern, 1994 (рец. Ch. Ratté in *American Journal of Archaeology* 101 (1997) 181–82).
- Zanker, P. (1996) *The Mask of Socrates: The Image of the Intellectual in Antiquity*. Berkeley.